

38
СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ИСТОРИЧЕСКІЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ

и
ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ, 34

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ВОЕЙКОВЫМЪ

и

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL IV

ЧАСТЬ СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА

1822.

Каждый день, кромѣ воскресныхъ и годовыхъ праздниковъ, будешь выходяшь по прежнему поллишна печатныхъ, а иногда и болѣе. Въ печеніе первыхъ—3 мѣсяцевъ текущаго года будешь выходяшь по цѣлому печатному листу, или по два нумера въ день; въ нихъ помѣсячались и всѣ вновь выходящія Высочайшіе приказы и всѣ съ 1 Января въ С. Петербургскихъ Академическихкихъ Вѣдомостяхъ заключающіеся. Сіе сосланишь полное оныхъ собраніе для получающихъ *Инвалиды*.

Первые два нумера выйдуть 20 Марша. Цѣна годовому изданію, (состоящему изъ 153 печатныхъ листовъ или 306 номеровъ,) здѣсь въ С. Петербургѣ 35 руб., а съ пересылкою во всѣ другіе города Россійской Имперіи 40 руб.; годовому же (съ 1 го Января по 1-е Юля) въ С. Петербургѣ 20 рублей а съ пересылкою 22 руб. 50 коп. За доставленіе въ дома прилагаешя въ годъ по 6 руб., въ полгода 3 руб.

Подписка оныхъ жителей С. Петербурга принимается въ магазинѣ брашьевъ Слѣпниныхъ въ домѣ Кусовникова на Невскомъ проспектѣ, противъ Казанскаго Собора, а оныхъ иногородныхъ въ Почтовыхъ Конторахъ и Экспедиціяхъ.

(11 М а р т а .)

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А .

1822. № XI.

I.

И С Т О Р І Я .

Истребленіе Кардикотовъ Али-Пашею, Визиремъ Яннинскимъ, въ 1812 году.

Али-Паша умѣлъ разными проеками и злодѣйствами покорить всѣ города Албаніи. Въ 1812 году вся область Акрокеравнская была ему подвластна, кромѣ двухъ городовъ Аргиро-Каспрона и Кардики.

Въ Военномъ Искусствѣ, говоришь Макиавель, ничего нѣтъ легче того, что кажется невозможнымъ. Городъ Аргиро-Каспронъ пользовался такою славой въ Албаніи, что его считали неприсутнимъ, какъ по выгодному мѣстоположенію, такъ и по храбрости жителей. Не смотря на то, лишь только войска Визиря показались подѣстными, пресѣкли тѣченіе рѣкъ, доспавлявшихъ оному воду, и разрушили мельницы, что городъ немедленно сдался на капитуляцію. Новая тактика Али-Паши ужасала

спойвъ его опивѣта, выходить изъ его чер-
тоговъ и спряхнувъ пыль съ сандалій сво-
ихъ, возвратился въ пустынь, неуверенный
въ исправлении Али-Паши, но довольный
тѣмъ, что изрекъ правду злодѣю.

К. Д. Цицановъ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Записки Доктора Саввы Большаго о приклю-
ченіяхъ его въ пѣлу у Киргизъ-Кайсаковъ
въ 1803 и 1804 годахъ. Съ замѣчаниями о
Киргизъ-Кайсацкой степи.

Предметъ экспедиціи, назначенной въ
1802 году по Имянному повелѣнію въ Буха-
рію, въ точности мнѣ неизвѣстенъ. Знаю

нушья къ Христіанину, бѣшь съ ними вмѣстѣ
и здоровашья съ нимъ, но не смотря на то,
что онъ фанатикъ, онъ не преслѣдуетъ инвер-
тевъ. Узнавши, чрезъ сорокъ лѣтъ по смерти
ошца своего, что сей послѣдній долженъ былъ
одному Греку пять сотъ рублей, онъ сыскалъ
смейство его, и вручилъ оному съ проценнами
должную сумму. Онъ всегда отказывался при-
нять предлагаемые ему Визиремъ дары, почи-
тая ихъ добычею хищенія и грабежа.

только то, что Имянному же Его импера-
торскаго Величества Высочайшему Указу,
состоявшемуся въ 23 день Декабря 1802
года, опкомандированъ я изъ Горнаго Ка-
детскаго Корпуса въ Бухарію, съ производ-
ствомъ жалованья по 1600 рублей въ годъ
Государственными ассигнаціями, и пожало-
ванъ въ Надворные Совѣтники. Въ непро-
должительномъ послѣ того времени присое-
диненъ я къ экспедиціи, порученной Свиты
Его Императорскаго Величества по Квар-
термейстерской части Поручику *Якову*
Гавердовскому, при которомъ находились
колоновожатые воспитанники Горнаго Ка-
детскаго Корпуса *Григорій Ивановъ* и *Иванъ*
Богдановичъ. Сверхъ нѣсколькихъ бумагъ,
отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Ми-
нистра Коммерціи, врученныхъ сему чи-
новнику, снабжены мы были и инструкціею
Императорской Санкшнпешербургской Акаде-
міи Наукъ.

Собравшись, какъ должно, 1803 года
Января 15, отправились мы изъ Санкшпе-
шербурга на почтовыхъ чрезъ Москву, Вла-
димиръ, Нижній Новгородъ и Казань въ Орен-
бургъ, гдѣ немедленно присоединены къ сей
экспедиціи Переводчики восточныхъ язы-
ковъ: (Толмачи) Коллежскій Ассессоръ *Ку-*
ташъ Виктяшевъ и Типулярный Совѣт-

никъ Мурзалимъ Михайловъ. Еще же прикомандированы къ ней 15 человекъ Оренбургскихъ козаковъ и 10 Тептярей съ урядниками. Для провожанія избраны меньшей Киргизъ-Кайсацкой Орды Алимгулинскаго рода, Тюрь-Кяринскаго отдѣленія Секундъ Маіоръ Султанъ Ширгазы Каиповъ, Спаршина Типулярный Совѣтникъ Мурза Буранбай Ишкининъ, Дюнанча-бій и другіе; Куламановскаго: Кульбабекъ, Каралтай, племянникъ Біл; Чумекейскаго: Мурза Идига, сынъ Курень-Батыря, Саинъ Каратаморъ, Канабай и другіе: всѣхъ до двадцати пяти человекъ, исключая извозчиковъ.

Къ сей же экспедиціи, не знаю почему, присоединенъ былъ купеческій караванъ съ разнымъ товаромъ на двѣсти тысячъ рублей.

Караванъ нашъ составляли сто верблюдовъ, навьюченныхъ купеческими товарами, разными казенными вещами, провіансомъ и собственнымъ багажемъ. Въ числѣ казенныхъ вещей, кромѣ пѣхъ, которыя назначены были для подарковъ Бухарскому, Хивинскому и Кабульскому Ханамъ, находились: хронометръ, барометръ, различные термометры, ящикъ съ хирургическими инструментами, ящикъ съ лекарствами, электрическая машина, спашивы краснаго дере-

ва, октантъ, аспролябія и пр. Въ числѣ собственныхъ: сундуки съ платьемъ и бельемъ, до 200 различныхъ учебныхъ книгъ, и собственные мои докуменны и рукописи, до врачебной части касающіяся. Киргизцевъ съ извозчиками было 44, нашей же свиты 50 человекъ.

Юля 30 вступили мы изъ Орской крѣпости, продолжая путь по берегамъ рѣкъ Ори и Иргиза, черезъ урочища: Тасъ-Кичу, Базаръ-Бига, Камшаклы, Ачила-Бушакъ, Чидеръ-Хашканъ, Бисъ-Агачъ, Казыль-Каинъ-мамышъ, Копаръ-тасъ, Бисъ-мула, Карасай, Бисъ-шау, Караадыръ, Тюмень-куль, Синалы-кналы-куль, Жиманъ-куль, Ак-тасъ-куль, Кулакачи-баръ-бій, Варбій-куль, Таллы-куль, Каракуга, Боспай-куль, Тюгусъ-куль, Косъ-контуръ и проч. Благополучно вступили въ Каракумъ (черные пески), которыми, пришедъ на урочища Берилы, Парчакумъ, Жармягыль-Калмасъ-шау, Кирганъ-шусъ, Контуръ-пюбл, *) Музь-біиль и Бисъ-кай-варъ, достигли чрезъ другую часть песковъ Деніекъ-кума (края песковъ; но не дошедъ еще до рѣки Сыри на полтора дни верблюжьяго хода, что составишь около

*) До Контуръ-пюбл растенія называются бѣлыми (акъ-чопъ), а далѣ черными (кара-чопъ).

75 верстъ, узнали опъ нарочно нами впередъ посланныхъ, что тамъ собралось великое множество разбойниковъ меньшей Орды Засырскаго, Чикшынскаго ошадленія, которые будно бы опъ Сулшана, Абулгазы Каипова, признаннаго опъ нихъ Ханомъ, главныхъ Старшинъ, Жинназара, Жанзака, Кожувергена, Ушюгуна и другихъ Беевъ были посланы съ приказаніемъ не пропускать насъ за рѣку Сырь въ городъ Бухару. Посему и принуждены были мы возвратиться съ возможною поспѣшностію, идучи день и ночь на ушомленныхъ лошадяхъ и верблюдахъ, что было 7 числа Сентября поушру. Киргизцы, услышавъ о нашемъ возвращеніи, не преминули за нами слѣдовать въ погоню разными дорогами. Почти двои сушки они за нами гнались, и въ послѣднюю ночь слышно уже было ржаніе лошадей, смѣшанное съ прерывающимся крикомъ, раздававшимся на ушренной зарѣ. По мѣрѣ приближенія ихъ, явственно можно было различать пыль, которая столбомъ поднималась, наконецъ ошупшительный былъ и самый лошадиный шопонъ.

9 числа, при восхожденіи солнца, не успѣли еще пройти урочища *Музъ-Виль*, окружили насъ сіи разбойники, и сдѣлали жестокий ударъ, (обыкновенное нападеніе Киргизцевъ). Топчасъ началась перестрѣлка съ

обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ небольшая часть наѣздниковъ, бросаясь стремительно въ нашъ караванъ, выхватила нѣсколько верблюдовъ, навьюченныхъ поршальными шюками и водою, съ великимъ проворствомъ. Въ то же самое время вожаемые извошники, забравъ своихъ лошадей и верблюдовъ, насъ оставили. Вся наша свита состояла тогда изъ 50 человекъ. Мы, въ шоль маломъ числѣ людей, сколько возможно было, въ шоль день оборонялись. Съ противной стороны убишъ былъ одинъ Киргизецъ; съ нашей ранено 5 человекъ, кромѣ вышеозначенныхъ Мурзы, Буранбал Ишкинина, раненаго въ ногу и Куль Бабека, котораго Киргизцы, поймавъ, били нещадно нагайками. День былъ жаркій и сухой, а воды ни одной капли. Хотя сраженіе было ошавлено, но несстерпимая жажда мучила насъ, ашакowanychъ, гораздо болѣе, нежели нападеніе самыхъ Киргизцевъ. Они расположились кругомъ нашего каравана, мы жъ въ шу пору сдѣлавъ изъ шюковъ порядочное укрѣпленіе, на подобіе *вагенбурга*, шрудились изъ всѣхъ силъ достать воду, копая яму во всю ночь безъ всякаго успѣха. Люди, изнуренные симъ шщепнымъ шрудомъ, шмаясь опъ жажды, не спавъ цѣлую ночь, насилу могли шстоять на ногахъ; да и Киргизцы также не спали, шрудясь надъ соби-

раніемъ хворосна, изъ котораго дѣлали они шуръ. Между шѣмъ, во всю сію темную ночь горѣли костры, нарочно опъ нихъ зажженные, для того, чѣобы кто нибудь изъ насъ не ушелъ; но болѣе, кажется, для малчнаго знака шѣмъ ворамя, которые ѣхали другими дорогами. Въ семь-шю бѣдшвенномъ состояніи засналь насъ десятыи день Сентября, споль спрашныи и ужасныи въ послѣдствіи. . . . Онъ сполько же былъ жарокъ, какъ и прошедшій, но нестерпимая жажда мучила уже съ неизреченною жестокоюсію Скопище разбойниковъ отчасу увеличивалось; со всѣхъ почти споронъ цѣлыми толпами скакали Киргизцы наперерывъ, дабы успѣшь чѣмъ нибудь поживишься, и наконецъ собралось ихъ болѣе двухъ тысячъ. Предводишель сей шайки, бѣглый Башкирецъ *Садитъ Кирей*, приближенный Ханскій Совѣшникъ, и другой Чумекайскаго ошдѣленія *Байгунды-бій*, извѣспныи разбойникъ, допущены были въ нашъ городокъ въ видѣ посланцевъ для переговоровъ, (парламеншерами . Предшавляя будто убишо у нихъ нами шесть человекъ, ипробовали они *куну* (удовлешворенія крови) за каждаго по 1000 червонцевъ, почему, безъ всякаго сопровишвенія, ошданы имъ были 6000 Голандскихъ червонцевъ; сверхъ того

нѣсколько кусковъ сукна, мѣховъ, кожъ, и множество другихъ вещей. Пошомъ безсозвѣспные сіи депушаны, какъ будто спарались ошоглапъ сіе сонмище, говоря: *каитъ!* (прочъ), между же шѣмъ по видимому еще болѣе подспръкали въроломныхъ Киргизцевъ къ нападенію.

Часу въ четвершомъ по полудни, несказанное множество грабителей со всѣхъ споронъ приближилось къ нашей крѣпости, шакъ, чѣо лошади ихъ положили свои морды на наши шюки, составлявшіе спѣну.

Злодѣи, видя жестокое наше мученіе опъ жажды, привозили, и какъ будто шайно опъ другихъ, нѣсколько грязной, соленой и вонючей воды, и за шакую малость мы платили имъ дорогою цѣною. Небольшую чашку черной сей воды, спойвшей два червонца и болѣе, надобно было дѣлшть на 50 человекъ. Какое ужасное и крайней жалоспи досшойное зрѣлище! Пятъдесять человекъ, окруживъ держащаго чашу, толпашся наперерывъ, вышѣсняя другъ друга, дабы опшвѣдашъ сихъ драгоцѣнныхъ капель; — между шѣмъ не могущій приближшсь, кричишь; „башюшки! вѣдъ шопъ-шю уже въ другой разъ подходишь, а я еще ни одного раза не пилъ!“ Другой, шомищійся опъ жажды, вопіешъ къ держащему чашку, будучи въ гореспи и опъ

чаянии: „дайте мнѣ хотя обмакнуть перстъ дабы оспудить языкъ мой! мочи нѣтъ, смерть моя!“..... Можно ли было смотрѣть другъ на друга безъ жалости и ужаса! У всякаго видъ былъ унылый и пошій, глаза впалые и блестящіе отъ наворачивающихся слезъ; языкъ сухъ, какъ лубокъ, губы пересмакли, крайняя слабость въ членахъ и проч. Словъ нѣтъ изобразить мученіе, которое бываешь написано на лицахъ отъ жажды умирающихъ людей!

Когда уже не видно было ни малѣйшей надежды къ спасенію, рѣшились мы напослѣдокъ, оставивъ спать нашъ, забравъ съ собою самыя нужныя бумаги. Только что начали было совѣшаваться другъ съ другомъ о семъ послѣднемъ и крайнемъ предпріятіи, какъ вдругъ, облегли насъ со всѣхъ сторонъ непріятели ударили по лошадямъ, и, при поднявшейся припомъ ужасной пыли, посыпались черезъ сѣтну съ крикомъ и визгомъ, валясь другъ на друга. Какой спукъ! какой трескъ! Рубящъ, ломающъ, рвушъ, бросающъ, и въ одно почти мгновеніе все было распахнуто. А я, злосчастный, какъ бы осужденный Провидѣніемъ на жестокое мученіе, не имѣя въ рукахъ никакого оружія, и не успѣвъ проштѣпаться сквозь спрашную еію шолпу, бывъ раненъ въ голову саблею,

упащенъ испугленнымъ Киргизцемъ, котораго имя Алтынъ-Бай-Хуазюкъ.

(Продолженіе впереди.)

III.

РОССІЙСКАЯ ИСТОРІЯ.

Біографія Россійскихъ Писателей.

(Продолженіе.)

Андрей Лызловъ, жившій во второй половинѣ 17 столѣтія, сочинилъ *Скисскую Исторію* въ пяти книгахъ, изъ коихъ въ 1-й собралъ онъ извѣстія объ Ордынскихъ, Казанскихъ и Аспраханскихъ Татарахъ; во 2-й о Крымскихъ и о Туркахъ, по порядку ихъ Султановъ, со спашистическими на концѣ замѣчаніями о Турецкой Имперіи; въ 3-й помѣстилъ описаніе Константинополя и разныхъ Султанскихъ въ ономъ учрежденій, обыкновеній, обрядовъ придворныхъ и публичныхъ и разныхъ случаевъ и проч. Сію книгу свою Сочинитель почерпалъ наипаче изъ Латинскихъ, Польскихъ и своихъ опечиственныхъ Писателей, и вездѣ указалъ источники свои, а шредію часпъ оной всю

можно ѣздить и перевозить шовары съ великою скоростію.

— Цоршъ Каллао, близъ Лимы, сдался инсургентамъ, похерявъ 1040 человекъ, умершихъ во время осады съ голоду.

(Изъ Галб. и Берл. В., St. Pet. Ztg. и Cons. Imp.)

VI.

С М Ъ С Б.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Почтенный сотрудник мой, Александръ Федоровичъ Воейковъ, принявъ на себя изданіе *Рускаго Инвалида* (см. 10 кн. С. О. стр. 141), прекращаетъ участіе свое въ изданіи *Сына Отечества*. Принося ему искреннее благодареніе за спашьи, кошорыми онъ украшалъ Журналъ мой, и за пособіе, которое онъ оказывалъ мнѣ въ трудахъ моихъ, извѣщаю почтенныхъ моихъ читателей, что я ошннвъ остаюсь по прежнему одинъ Издапелемъ сего Журнала. Приглашая любителей Словесности украшать Журналъ сей своими произведеніями, прошу ихъ ошправлять впредъ всѣ спашьи для Сына Отечества, равно какъ письма и пакеты, на мое имя *).

Николай Гречъ.

При сей книжкѣ раздается No 6 *Литературныхъ Прибавленій*, въ коемъ содержится Повѣсти: *Приданое* и *Кранзакскій постоялый дворъ*, и Анекдоты.

(18. М а р т а .)

*) Адресъ: въ типографію Надв. Сов. Греча, въ большой Морской, въ домѣ Г. Косиковскаго подъ No 84.

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А.

1822. № XII.

I.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Обозрѣніе 1821 года.

Исторія прошекшаго года представляеть намъ плачевную картину неустройства и мятежей во многихъ частяхъ Европы и Америки. Бурному сему волненію были положены преграды въ Неаполь; но духъ безпокойства, упорно стремящійся противъ существующаго нынѣ порядка гражданскихъ обществъ, попрясъ югозападную и юговосточную Европу, распоргъ слабыя узы, связывавшія оную съ швердою землею Америки, и силился изъ разрушительныхъ началъ составить тамъ большія самобытныя Государства. Духъ необузданности республиканской ознаменовалъ преимущественно прошедшій годъ, и недавній опытъ, показавшій намъ, что республиканскія правленія, на мечтахъ свободы и равенства основаныя, скоро приводятъ обольстившія ими

ниченная власть его была еще болѣе снѣсена. Король согласился на все, чего отъ него требовали, присягнувъ въ вѣрности Конституціи въ собраніи Кортесовъ 4 Іюля, и назначилъ новыхъ Министровъ. Съ сего времени спокойствіе не было уже нарушаемо въ Лиссабонѣ; только въ день празднества начала Португальской революціи, 24 Августа, народъ разбилъ окна въ домахъ Папскаго Легата и Австрійскаго Генеральнаго Консула за то, что они не были освѣщены. Не получивъ требуемаго удовольствія, бывшіе въ Лиссабонѣ Посланники и дипломатическіе агенты оставили Португалию. Между тѣмъ Кортесы продолжали свои совѣщанія о Конституціи, послѣдствія коихъ не могутъ быть приняты для Короля. Сей, прежде столь богатый Государь, теперь часто не имѣлъ денегъ собственно для своей особы. Къ тому присоединились неблагоприятныя извѣстія изъ Рио-Янейро, гдѣ Наслѣдный Принцъ 6 Іюня, по требованію депутаціи, присланной отъ собравшихся на площади Росціо войскъ, далъ присягу новой Конституціи, а въ слѣдующій день, при мятежныхъ движеніяхъ войска, повпорилъ ее въ присущствіи Юнты. Преждебывшаго своего Министра Дона Аркоса долженъ онъ былъ смѣнить и отправить въ Лиссабонъ,

гдѣ онъ, пошчасъ по прибытіи, былъ посаженъ въ Белемскую башню. Съ тѣхъ поръ было въ Бразиліи нѣсколько покушеній изпровергнувъ настоящій порядокъ вещей. Въ Багії и въ Пернамбукъ часъ отъ часу болѣе открывался духъ республиканства и намѣреніе, сдѣлать изъ Бразиліи особое, независимое отъ Португаліи, вольное Государство. Приведеніе въ дѣйство сего плана было однако жъ уничтожено посланными туда изъ Рио-Янейро войсками. Едва ли впрочемъ Бразилія останется надолго принадлежностію Португаліи!

(Продолженіе впрѣдъ.)

П.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Записки Доктора Саввы Большаго о приключеніяхъ его въ пѣлу у Киргизъ-Кайсаковъ въ 1803 и 1804 годахъ. Съ замѣчаніями о Киргизъ-Кайсацкой степи.

(Продолженіе.)

Выѣхавъ на просторное мѣсто, Киргизъ слѣзъ съ лошади, снялъ съ меня плащъ

и обобравъ, что было у меня, оставилъ въ одной рубашкѣ, не снимая съ шеи плашка, также парусинныхъ дорожныхъ шароваръ и сапоговъ. Потомъ повалилъ меня на землю, и упершись коленною въ грудь, вынулъ ножъ, тошоясь перерѣзавъ мнѣ горло. Праведный Боже! увидя ножъ въ рукахъ, сверкающіе и кровью налипые глаза, оцѣпенѣлъ я, думая что конецъ жизни моей приближился; прочелъ, какія могъ вспомнить молитвы, и просилъ у Бога опущенія грѣховъ. Отчаяваясь болѣе видѣть благая живущихъ на земли, и не издавая ни малѣйшаго голоса, но въ глубокомъ молчаніи, зажурилъ я накрѣпко глаза, и списнувъ зубы, дожидаясь смерти. Неисповый *Алтынг-Бай*, видя меня обаяпаго великимъ страхомъ, все какъ будто приговаривая еще къ безчеловѣчному сему поступку, съ безпрестаннымъ мурчаньемъ и бормотаньемъ, хватая одною рукою за шею, другою прикладывая ножъ. Оставляя сіе дѣйствіе, началъ сыпать песокъ на мою голову; насыпавъ довольно, прикрывъ чѣмъ-то оную, и вкорѣ опять снявъ покрывало, вскричалъ: *туръ!* (встань), поднимая меня за воротъ. Повинуясь всякому его мановенію, я вспалъ, гляжу на него съ трепетомъ и дожидаясь приказанія. Тутъ взялъ онъ веревку, и связавъ мнѣ руки назадъ, посадилъ

на лошадь, самъ на нее же сѣлъ и поѣхалъ далѣе. Проѣхавъ версты двѣ, слѣзъ съ лошади, спалилъ меня, и поваливъ опять на землю, вынулъ ножъ и хотѣлъ какъ будто рѣзать. Я равнымъ же образомъ списнувъ зубы и зажуривъ глаза, ожидалъ рѣшительнаго окончанія. Ни что уже меня въ сіе время, правду сказать, не тревожило: ни безвременное и внезапное разлученіе съ симъ прелестнымъ міромъ, ниже самое состояніе грѣшниковъ по шу спорону видимаго свѣта: одно только воображеніе о боли, которую претерпѣлъ бы я, если бъ онъ спалъ рѣзавъ, приводило меня въ неизъяснимый ужасъ. Чувствуя, что сыплется въпорочно песокъ на голову и кладется покрывало, не зналъ я, что подумашъ. Не погребаешь ли онъ меня? сказала я самъ себя, или производишь по своему суевѣрію какое нибудь очарованіе? Потомъ, схвативъ съ мостѣишностію покрывало, приказалъ онъ мнѣ опять вспашъ, говоря: *туръ!* но видя, что я не могу подняться по той причинѣ, что руки у меня связаны, пособилъ онъ мнѣ вспашъ, и посадивъ опять на лошадь, поѣхалъ въ рядъ съ прочими. — Мы проѣхали такимъ образомъ еще версты двѣ. Тутъ приближилось къ намъ нѣсколько Киргизцевъ, которые, схвативъ меня, спалили съ лошади, и, одинъ держа за ногу, другой за дру-

гую, шинули всякъ къ себѣ на всемъ конскомъ скаку. Голова моя свисла къ лошадинымъ ногамъ и неоднократно ударяема была копытами. Они жъ, между шѣмъ, разорвавъ на мнѣ рубашку и сорвавъ плашокъ, гайшаномъ на шеѣ чужь было меня не удушили. — Тупъ-то я думалъ, что истинная кончина жизни моей приспѣла! Не знаю, какъ то выпала я у нихъ изъ рукъ, и ожидая, что вся сія шолпа черезъ меня пройдетъ, лишился чувствъ; обшупившіе Киргизцы, поднявъ меня, поставили на ноги. Одинъ молодой челоуѣкъ, стоявшій передо мною, вынулъ ножъ изъ ноженъ, и показалъ мнѣ, держа его концемъ въ верхъ. Пошомъ подошелъ ко мнѣ другой Киргизецъ по имени *Сиркабай*, сынъ *Бил-Устогуна*; распушавъ мои руки, назадъ связанныя, и сложа ихъ на креснѣ перекрутилъ онъ ихъ волосяною жъ веревкою спереди; пошомъ посадивъ меня на верблюда, самъ на него же сѣлъ, пролѣзши одѣтый со всѣмъ своимъ шуловищемъ сквозъ связанныя мои руки, шакъ, что я повисъ на немъ, чувствуя боль несперпимую. Ручные пальцы зашекли, окоспентѣли и не имѣли никакого движенія. Кричу я, что еспѣ силы: *руки! руки!* а онъ безчеловѣчный, не понимая моихъ словъ, ни мало не внималъ ужасному моему крику. Верспѣ

около пашнадаши шакимъ образомъ онъ бжалъ, и я думалъ, что конечно при самомъ еще началѣ полоненія ударомъ въ голову саблею, лишенъ я былъ жизни, и, находясь въ царствѣ мершвыхъ между бѣсовскимъ сонмищемъ, преданъ на вѣчную муку. Боже Великій! говорилъ я самъ себѣ: неужель никогда не кончится сіе несносное мученіе? Такъ было больно, шакъ мучительно! — Произносимыя мною слова: *Аллай худай!* (имена Божіи) не смягчали безчеловѣчныхъ. Треклятыя изувѣры, желая болѣе усугубить мою горестъ, дѣлали всякія извѣщельныя насмѣшки и ругательства. Иной, скача во всю конскую прынь, и гикнувъ во все горло, какъ будто насквозъ хотѣлъ проколотъ пикою; другой замахивался саблею, и какъ будто хотѣлъ разрубить пополамъ. Нѣкоторые ударяли плешью по обнаженному шѣлу, иные же шыкали ножемъ въ горло, въ зубы, въ глаза; другіе плевали въ лице, дѣлая различныя кривлянья. — Ошъ мучительной и несносной боли неоднократно принимался я задерживашъ духъ, дабы прекрашнить симъ обращеніе крови, или задушиться, но не могъ. Также не можно мнѣ было въ опчаяніи и укусить за спину моего ширана, ибо былъ онъ въ сшеганомъ халашѣ и армякѣ.

Но сколь ни огорчительно было перенять такую пышку, мнѣ безъ внутренняго смѣха не могу вспомнить о различныхъ ихъ дурачествахъ. Иной волокомъ тащилъ люкъ, другой волочилъ по песку сундукъ и прочія вещи; одинъ же тащилъ подспёрленную лошадь, привязавъ ее веревкою за хвостъ своего коня. Сверхъ того безпрерывная происходила драка: одинъ силился опиятъ то, что имѣлъ другой, и проч.

Когда уже довольно смерклося, поднялся пресстрашный шумъ и крикъ. Всюду было видно блистаніе искръ, производимыхъ *чакмаками* (огнивами); между шѣмъ, ужасной гаркѣ, имана: ай *Сиркабай!* ай *Алтынъ-бай!* *Жинтасъ Култасъ!* и пр. наполняли всю мрачную атмосферу. Съ чѣмъ можно было сравнить сіе спреха и ужаса исполненное позорище! Оно было совершеннымъ изображеніемъ ада. Въ сей день опѣхали мы всего верстѣ двадцать, и остановились въ степи.

Нельзя было освободиться моему мучителю, не развязавъ прежде моихъ рукъ; онѣ были такъ крѣпко скручены и запушаны, что невозможно было развязать узловъ безъ помощи ножа, которыми принуждены были перерѣзать веревку, а я, получа неожиданное облегченіе, почувствовалъ такую ра-

достъ и удовольствіе, какъ будто ужъ въ раю находился. Пролившіяся обильно слезы увѣрили меня, что Богъ простилъ мои грѣхи. Самыя звѣзды казались мнѣ свѣтлѣе, и самое обращеніе съ Киргизцами сдѣлалось для меня гораздо сноснѣе. Въ сію незабвенную минушу, ощутивъ безприкладное Божіе милосердіе, движимый духомъ Вѣры, немедленно давъ я тайный обѣтъ Всевышнему, не налагать на себя рукъ, но съ покорностію и переплнѣмъ переносить тяжкое бремя невольничества.

Недовольно того, что я кругомъ почти вовсе былъ обобранъ, и не смотря на то, что я весь въ ихъ рукахъ, прѣхавъ на сіе мѣсто, по разведеніи огня, не оставили спашить съ меня и дорожныхъ моихъ сапоговъ. Зависшливый *Сиркабай* сколь щепетельно ни спарался натянуть ихъ на косоладвыя свои ноги, но видя, что въ сапогахъ моихъ полку мало, потому что они шѣсны, бросилъ ихъ съ негодованіемъ обратно къ ногамъ моимъ: иначе долженъ бы я былъ итти босой по острымъ камнямъ и колючимъ растеніямъ. — Попомъ собралось ихъ около меня человекъ съ десятокъ: разсмапчивали мою раненую голову и изрѣзанные веревкою руки, и, какъ примѣтно было, не безъ сожалѣній. Въ пошъ же часъ, принесли гряз-

ныя и запачканныя пряпки, обвершѣли мою голову и руки; между шѣмъ надѣли на меня старенькій *чапанъ* (халатъ). Во все сіе время, сидѣлъ я у огня, потому что ночи довольно уже были холодны.

Замѣтя, что я нѣсколько пообогрѣлся, надавали мнѣ Ташарскихъ вапрушекъ, которыми ѣлъ я съ апешипомъ; попросилъ пишь, указывая на *кожаный мѣшокъ* съ водою (шурсукъ) и на свой рошъ, въ чемъ также удовлетворили хотя мало, можешь быть для того, чтобы не запалить меня, или и у самихъ пишь было не много. Поставъ того, подчивали меня еще вапрушками, которыхъ однакожъ сами не ѣли, считая за скверное: ибо они не знали, что сіи масляныя лепешки были Ташарскія, но думали, что Рускія, да припомъ они къ паковому хлѣбу и не привыкли.

На ночь сковали меня лошадиными жѣлѣзами, и я спалъ въ нихъ спокойно.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

III.

АНТИКРИТИКА.

О П Р А В Д А Н І Е Г. Б Е Л Ъ З О Н И.

Г. Бельзони, прибывъ въ С. Пешербургъ, узналъ, что на его счетъ напечатана спашья въ 1 и 3 нумерахъ Сына Отечества нынѣшняго года *). Онъ считаесть обязанностію

*) Вошъ сіи два мѣста:

Кн. 1, стр. 27. „На другой день посѣтили мы вшорую пирамиду. Г. Бельзони, проникшій въ нее вмѣстѣ съ Каирскими любителями древностей, хвалился симъ отважнымъ и великимъ подвигомъ. При входѣ и въ Царской комнатѣ онъ украсилъ стѣны надписями, въ которыхъ хощѣлъ сказать, что онъ открылъ сію пирамиду (*Scoperta da Giovanni Belzoni il 2 Marzo 1818*). Онъ сдѣлалъ еще болѣе: составилъ актъ въ Канцеляріи Англійскаго Консула въ Каирѣ, чтобы въ потомствѣ утвердить славу свою, какой не удостоивался еще ни одинъ изъ *фигляроевъ* въ свѣтѣ.“

Прилѣжаніе въ книж. 3 стр. 122. „Сочинилель спашья: *Посѣщеніе пирамидъ*, бывши въ Египтѣ, имѣлъ случай узнать, что Бельзони опниоудъ не стоить шой славы ученаго Аншкварія, которому онъ самъ себя восписалъ въ книгѣ, изданной въ Лондонѣ подъ именемъ его жены. Англійскій Генеральный Консулъ въ Египтѣ, Г. Сальшь, человекъ умный и почтенный, по рекомендаціи тамошняго Французскаго Консула, Г. Дровешши, опредѣдилъ его надзирашелемъ при Арабахъ, которые, по его порученію, раскапывали землю

VIII.
С М Ъ С Ь.

ИЗВѢСТІЕ.

Седьмая книжка *Сѣвернаго Архива*, Журнала Исторіи, Статистики и Путешествій, вышла 31-го Марша и раздается подписавшимся — Въ ней заключающіяся слѣдующія статьи: *Исторія*: Записки Канцелярискіа Рюмина о приключеніяхъ его съ Веніовскимъ (окончаніе); Грамота 1583 г., описанная Царю Іоанну Васильевичу отъ Англіиской Королевы Елисаветы. *Географія*: Взглядъ на географическія изысканія еще не сдѣланныя, и о лучшихъ способахъ произвѣсти оныя въ дѣйствіе. *Путешествія*: Возвратный путь Г. Сенковского изъ Египта чрезъ Арабскій лагерь въ Константинополь (Продолженіе). *Критика*: Опытъ критикой Исторіи Руской Литературы *Смѣсь*: Разныя извѣстія. Къ сей книжкѣ Сѣвернаго Архива приложенъ раскрашенный рисунокъ, представляющій Новогреческаго морскаго Капитана, и разные флаги Греческаго флота, сполъ блистательно подвизающагося противъ злобѣи и пиратства. Подписка на сей Журналъ продолжается по прежнему: въ С. Петербургѣ принимается она во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, а иногородные могутъ адресоваться въ С. П. б. Газетную Экспедицію. Цѣна въ годъ (за 24 книжки) 40 р., а съ пересылкою и дославленіемъ въ дома 45 р.

При сей книжкѣ Сына Отечества раздается седьмой номеръ *Литературныхъ Прибавленій*: въ ономъ содержится Повѣсти: *Кранзакскій Постоляный дворъ* (продолженіе) и *Гогартъ во Франціи*, и Анекдоты.

(1 А п р ѣ л я .)

С Ы Н Ъ
О Т Е Ч Е С Т В А .

1822. № XIV.

I.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Записки Доктора Саввы Большаго о приключеніяхъ его въ пѣвну у Киргизъ-Кайсаковъ въ 1803 и 1804 годахъ. Съ замѣчаніями о Киргизъ-Кайсацкой степи.

(Продолженіе .)

11 числа, рано поднялись Киргизцы, и, раздѣлаясь на партіи, пошли въ разныя стороны. Мы, по своему практу уклонясь гораздо правѣе, и отошедъ верстъ двадцать пять, также въ степи остановились. Въ семь мѣстъ нашъ отрядъ дѣлилъ свою добычу, разложивъ прежде все, что было, на три кучи. Я посаженъ былъ въ одной цѣпѣ съ верблюдомъ, и по жеребью достался въ шпрѣши руки.

Глаза мои видѣли, что въ печеніе четырехъ дневнаго нашего пути такъ было все раздѣлено, что ничего въ цѣлости не осталось. Сукна, выдровые мѣха, кожи и

другія симъ подобныя вещи были изорваны въ мельчайшіе кусочки. Математическіе инструменты, какъ то: эшапивы, астролѣбіи, транспорширы, циркули и проч. шутъ же были всѣ переломаны и раздѣлены по маленькимъ шпучкамъ. — Иному достался одинъ только винтикъ, другому маленькая бляшечка. Смѣшно было смотрѣть на раздѣленіе карманныхъ часовъ: одному досталась крышечка, другому доннышко фулярное; корпусъ былъ еще на малѣйшія часики разломанъ и раздѣленъ. Натуральныя прѣсепти, серебряныя ложки и проч. все пополамъ. Словомъ ни одной вещи цѣлой не осталось, исключая писмолетовъ, сабель и кинжаловъ, да и тѣ на свой манеръ скоро были передѣланы. Однакожъ не великую выгоду получили Киргизцы въ разграбленіи сего каравана: ибо, кромѣ нѣсколькихъ нашихъ, ни къ чему почини для насъ негодныхъ вещей, большая часть купеческихъ поваровъ состояла въ звонкой монетѣ, которую Ташары, повѣренныя отъ купцовъ, на сей разъ гораздо счастливѣе насъ, умѣли соблюсти отъ расхищенія. По сему-то нѣкоторые Киргизцы, загнавшіе своихъ лошадей въ преслѣдованіи, насъ же въ шомъ починали виновными, ибо, говорили они: такой-то и такой-то ободралъ свою лошадь, спойвшаю по край-

ней мѣрѣ 60 или 70 рублей, а прибыли не болѣе получилъ, какъ на 60 или 70 копѣекъ. Слѣдовательно де Россія, не токмо не имѣетъ права взыскивать разграбленнаго, но должна еще заплашить имъ за сіи убытки!

Проходимыя мѣста были болѣею частью песчаныя, поросшія различными степными куспочками, солончаки солеными травами; напослѣдокъ попадались болѣе пыльные мѣста, покрытыя большимъ камышомъ.

Къ *Сырѣ-дарѣ*, (рѣка Сыръ, въ древности *Яксартъ*,) прибыли мы 13 числа въ полдни. Здѣсь при новомъ раздѣлѣ, попалъ я въ четвертыя руки, и достался самому негодному роду Киргизцевъ, называемыхъ *Телеу*, что въ той споронѣ даже слѣдующую пословицею подтверждается: *утѣ жямакъ силеу, иль жямакъ телеу*; (какъ худо справа силеу, такъ худо родъ телеу).

На четвертыя сутки четвертый мой хозяинъ, именемъ *Кожубекъ-Телеу-тайлакъ*, переправясь со мною чрезъ рѣку Сыръ, въ лодкѣ на перевозѣ Казалы, привезъ въ свой аулъ, находившійся тогда близъ урочища *Женгитъ кала* или *Жангитъ тау*.

Какая была радость домашнихъ, когда увидѣли они сего вора приближающагося съ добычею! Мужчины, женщины, старые и малые собрались со всего аула и разсматрива-

ли, что ему доспало. Тутъ пошелъ новый дѣлежъ. Кому клочекъ, кому два, кому ничего, и, наконецъ исключая меня, оцѣнилаго въ 60 или 70 рублей, ничего у него не осталось. Во мнѣ же онъ, какъ послѣдствія показали, не получилъ ни малѣйшей прибыли.

Пока происходилъ у нихъ сей дѣлежъ, я сидѣлъ да смотрѣлъ; они же, не зная употребленія нѣкоторыхъ вещей, спрашивали меня, показывая ту вещь, но не получа вразумительнаго отвѣта, смѣялись и удивлялись, что я не хощу говорить; другіе утверждали, что я нѣмъ; нѣкоторые полагали, что у меня совсѣмъ нѣтъ языка, и проч. Женщины и ребята съ удивленіемъ часто говорили на распѣвъ: *ай пай, кеше орусъ! адамъ тильнъ бельмейде*, (а ахъ, какая глупая и безмозглая Русская тварь! человѣческаго языка не знаешь.) Далѣе: *Аора! кара! тиль жокъ*, (смотрика! у него языка нѣтъ). Между тѣмъ растворяюшъ мой ротъ и смотрять, есть ли у меня языкъ. Кшо бывалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, нѣтъ можешь судить, сколь пріятно мнѣ было, изсохшему нѣю, сидѣть между красующимися кудрявою з ленью деревьями! — Тогда шю самыя мрачныя и невыгодныя мысли овладѣли моею душою, и, безпрестанно на-

полила воображеніе различными мечтами, наподобіе адскихъ фурій терзали урученное печалію сердце; но заключенный договоръ, и частое воспоминаніе достоподражаемой жизни Христа Спасителя со святыми его Мучениками мгновенно разгоняли сію ужасную и шягопящую мглу горестныхъ размышленій. Къ названію показываемыхъ вещей, научился я кое-какъ въ непродолжительномъ времени; но глаголы и имена шакихъ вещей и лицъ, которыхъ показать нельзя, безъ переводчика понимать трудно. Изъ сего-шо и видно, что я большую часть времени провелъ тамъ въ безмолвіи.

Въ родѣ Телеу находился я около чешырехъ мѣсяцевъ, переходя изъ рукъ въ руки. Ежедневная моя должность состояла въ томъ, шюбъ рубить и собирать дрова, носить воду, шюпить кибишку, шолочъ вареное и поджареное просо, шолочъ въ рукахъ кое-какія полусырыя зерна, чистить навозъ, котораго въ шеченіе двухъ или прехъ дней накопляется столь много (разумѣется зимою), что цѣлый почти день шюшребенъ на одно чищеніе. Ежели и все сіе исполнено будешъ, шю на досугъ дадушъ кучу шерсти, кошорую, сидя, шеребишь. Таковая работа не изнурила бы силъ, если бы порядочная и довольная пища была доставляема; но къ

несчастію тамъ господствуетъ вѣчный голодь. — Пища невольниковъ состоишь наиболѣе въ жидкой *пустой* пшениной кашинѣ; (кара куже), которой небольшую часть выпить дають только на ночь. Поутру и въ полдень хорошо если дадутъ горсть просяной *мякины* (шаканъ), которую *булгапъ* *булгапъ жій!* (смѣшавъ съ водицею, кушай). Мясо весьма рѣдко, и то развѣ падалъ, (убитая хворая скошина передъ своею смертію); въ лѣтнюю пору и того нѣтъ. Кислое молоко (айрянъ) будучи смѣшано *пополамъ съ водою*, для невольника переходить въ (чаланъ), хорошее *закисшее кобылье молоко*, (кумысъ); смѣшанное съ простымъ молокомъ и водою въ суамалъ или съ айрянемъ и водою въ косоршмакъ. Опъ несноснаго голоду время столь продолжительно, что одинъ день покажется годомъ; и я, живучи у сихъ варваровъ, не бывъ приномъ опъ роду брезгливъ, такъ исхудалъ, что едва могъ волочить ноги. Кто бы спалъ безъ нужды опкимашъ у собаки, унесенный ею какой нибудь кусокъ сыраго лошадиного мяса и глоташъ, почти не жевавши! Голодь принуждалъ меня дѣлать то неоднократно. Въ семь-то бѣдствіенномъ положеніи, часто приходила мнѣ на мысль Евангельская припѣча о скишавшемся по чужимъ странамъ

блудномъ сынѣ, воспоминавшемъ благословенное состояніе родительскаго дома!

Въ первыхъ числахъ Декабря спала рѣка *Сырѣ*, чрезъ которую 5, 6 и 7-го всѣ роды и отдѣленія, кочующія около *Иргиза*, перешли со всемъ своимъ скотомъ по льду, уклоняясь къ рѣкамъ *Куванъ* и *Жяны*, а съ 10-го сдѣлалась такая прибыль воды, что выступя изъ подо льда, она покрыла всѣ низменные мѣста, и чѣмъ сильнѣе были морозы, тѣмъ болѣе примѣтна была прибыль.

27-го Декабря Чиктыинскій Ханъ *Абул-газы Каиповъ*, выручивъ меня изъ рода *Телеу*, взялъ къ себѣ съ тѣмъ, чтобы доставить въ Россію. Здѣсь нашелъ я попавшагося въ плѣнъ начальничьяго деньщика *Никифора Васильева*, который находился уже въ Ханскомъ аулѣ. Онъ за недѣлю передъ симъ взявъ былъ также Ханомъ у *Утсой-ла-бія*.

Состояніе Хана самое бѣдное: все его богатство состояло тогда въ восьми дойныхъ овцахъ, двухъ коровахъ, трехъ или четырехъ верблюдахъ и одной лошади; напропивъ того у простыхъ Киргизцевъ, какъ то, *Жанзака* и *Каракубека*, тысячь до десяти считается овецъ и тысячь до пяти лошадей.

Слишкомъ пять мѣсяцевъ прожилъ я у Хана, пошому что вскорѣ по взятіи имъ меня уѣхалъ онъ на войну противъ *Каракалпаковъ*, и сказываютъ, будто признанъ и опъ нихъ Ханомъ, если только Ханское до-стоинство въ семь родъ людей составляетъ какую нибудь важность. — Какъ скоро Ханъ уѣхалъ, то и деньщика взяли назадъ прежніе его хозяева.

Жизнь мое здѣсь немногимъ было лучше, нежели и у бѣдныхъ Киргизцевъ. Всю зиму, продолжавшуюся около трехъ мѣсяцевъ, препроводили мы на одномъ почти мѣстѣ близъ рѣки *Кувана*, при урочищахъ *Сорг-арыхъ*, *Чалбаръ* и *Бисъ-аралъ*. — Да и весь почти родъ сихъ разбойниковъ на зиму сюда собирается, поелику изобиліе камыша въ холодное зимнее время много имъ тамъ способствуетъ.

Нѣкоторые Киргизцы, узнавъ, что я Россійскій Докторъ, выпрашивали меня у старшей Ханской супруги *Висай*, чтобы посмотришь больного. Только что прѣдешь въ аулъ, здоровые и больные всѣ поголовно приходятъ и даютъ руку, говоря: *тамо-ружь ста!* (подержи жилу). Послѣ того осматривай, здоровъ ли кто или боленъ, не смотря на то, хотя бы наружная болѣзнь была. (Болѣзни же Киргизцамъ извѣстныя

суть: горячка (желтѣ), лихорадка (кызылча), оспа (куль, часакъ), которая весьма бываетъ рѣдко, кашель (шумсиу), грудная болѣзнь или чахотка (кукрюгъ), поносъ (исбару), рвота (куссуку), любострастная болѣзнь (меризъ), всякаго рода раны (жяра), опухоль или водяная болѣзнь (исыкъ), короста или чесотка (кошаръ), и проч.)

По мужниной жилѣ должно опгадывать болѣзнь жены его и дѣтей, хотя бы они были въ отсутствіи. — Сверхъ того о всякихъ приключеніяхъ и обстоятельствахъ, какъ то о счастіи и несчастіи и пр. лекаръ долженъ узнавать по жилѣ, а когда скажешь имъ, что по пульсу не все узнать можно, то говорятъ: какой же ты лекаръ! При всемъ томъ думаютъ они, что не только лекаръ, но и вообще всякой Рускій въ состояніи произвести самую сверхъестественную челоѣку дѣянія, какъ то наприм. учинишь безвременно повсемѣстную спужу, шепчешь день сдѣлашь, возбудишь спрашную бурю, пролишь дождь, навесишь и отнесишь громовую пучу и проч.

Однажды призванъ былъ я къ Киргизцу, справдавшему просною горячкою. Осмотрѣвъ его, совѣтовалъ я ему пить кислое молоко, разведенное водою. Впрочемъ сказалъ, что у меня ни лекарства, ни инструмен-

шовъ никакихъ нѣтъ, чѣмъ бы ему пособить могъ, представляя, что поршней безъ нитки и иголки шить не можешь. Родственникъ больного, слыша отъ меня такія слова, и думая, что я не умѣю или не хочу заниматься леченіемъ, общалъ достать лекарства, и въ семь намѣреніи похалъ верстъ за тридцать. Приѣхавъ на другой день, вынулъ онъ изъ своей сумки узелокъ, и развернувъ оный, вынулъ еще другой, въ семь уже заключаая и претій. Что жъ шить нашлось? Маленькій кусокъ *сургуца*, кусочикъ *пробки*, и половина сыраго *кофейнаго зернышка*, (сіи вещи достались имъ при разграбленіи нашего каравана); показавъ ихъ мнѣ, спрашивалъ: годятся ли сіи лекарства, за которыхъ заплащилъ я цѣлаго барана? На отвѣтъ, что это такія вещи, которыхъ въ лекарство весьма мало употребляютъ, пате же въ показанной болѣзни, съ негодованіемъ сказалъ онъ мнѣ, что я ничего не знаю. Лекарства, которыхъ мнѣ случилось видѣть въ самомъ маломъ количествѣ у Киргизцевъ, суть: *сабуръ* (азбай), *лиственничная губка* или *бѣлый трюфль*, *гвоздика* (каламперь), *бадянь* (бадянь), *ртуть* (сынапъ), *киноварь* (сыръ сынапъ), *сулея* (акъ сынапъ), *синій камень* (кокъ шась), *квасцы* (ачипась), *сѣра* (кукуршь), *сасапарель* (ша-

моръ дары) и пр. Сіи, по ихъ смыслу, лекарственные вещи они возятъ большею частію при себѣ, какъ бы вмѣсто *талисмана*, внутрь же никогда оныхъ не принимаютъ. Отъ чего-то произошло, что нѣкоторые лекарства, при разграбленіи нашего каравана имъ доставшіяся, шакъ были раздѣлены, что не могли имъ принести ни малѣйшей пользы, напр. изъ пилюль, которыхъ бы надлежало принять по крайней мѣрѣ 10, досталось каждому не болѣе одной. Разные, по самой малости доставшіеся имъ, порошки и травы смѣшали вмѣстѣ и проч.

За недѣлю передъ отправленіемъ взяли меня опять въ Ханскій аулъ. — Спранно! пока я не зналъ ничего о своемъ освобожденіи, все шакъ былъ покоенъ; какъ же скоро извѣстно мнѣ стало по слухамъ, что пріѣхали изъ Россіи нѣкоторые люди, то до свиданія съ ними овладѣла мною шакая грусть и тоска, что дивлюсь, какъ могъ пережить это время, показавшееся мнѣ за нѣсколько лѣтъ, и признаюсь, что едва не рѣхнулся ума: ибо возродившійся во мнѣ страхъ невольничества и грубаго обхожденія Киргизцевъ столь далеко запустилъ свои корни, что я не могъ истребить его не только во все время обратнаго въ отечество пути, но пріѣхавъ въ Оренбургъ, чрезъ все

время моего въ немъ жительства (два мѣсяца), и даже во всю дорогу до Симбирска, или лучше сказать до Рязани. — Но съ другой стороны, сколь велико Божіе милосердіе, въ бѣдствіяхъ подкрѣпляющее! Во все время вевольничества, имѣя отъ роду 34 года, будучи Медицины и Хирургіи Докторомъ, Надворнымъ Совѣтникомъ, полунагой, чувствую всегда безмѣрный голодь, съ самую иногда глубокую осень безъ всякой обуви хаживалъ по колына въ водѣ рѣки Сыра, таща нагруженную лодку; одинъ только разъ чувствовалъ небольшую простуду и одинъ разъ ознобилъ слегка пальцы ногъ! Еще того спрашиваю, что боль въ боку, происшедшая отъ воспаления печени въ 1797 году, продолжавшаяся около семи лѣтъ, въ сіе время ошнюдь меня не беспокоила, и я ее совсѣмъ почти не чувствовалъ; но когда прѣѣхалъ въ Петербургъ и началъ жить нѣсколько спокойнѣе, тогда опять возобновилась боль, и стала по прежнему шогать; при томъ же надобно замѣтить, что отъ жидкой и малопишательной пищи, употребленной иногда въ большемъ противъ обыкновеннаго количествѣ, до того расстянувшись былъ мой желудокъ, что подъ самую ложку образовался нарочитый мѣшокъ, выпитившійся наружу, котораго посредствомъ повязокъ

и примочекъ, чрезъ долгое время не можно было уничтожить и привести въ естественное положеніе.

Имена мои у Киргизцевъ были слѣдующія: *Саба, Сабабай, Сабафака, Сабѣтникъ, Даргиръ*; нѣкоторые же называли *Иваномъ*, какъ вообще зовушь всѣхъ Рускихъ; иногда же *итъ* (собака), *каперъ* (безбожникъ или идолопоклонникъ) и проч.

Кстати упомянувъ о поведеніи, и чувствѣхъ, какія я имѣлъ въ тогдашнее время. Выше сказано было, что я большую часть времени провелъ тамъ въ безмолвіи. Чтожь я тогда дѣлалъ? Первый мой долгъ былъ по утрамъ и вечерамъ приносить къ Богу молитвы, которыя совершалъ я большею частію въ шайнѣ, ибо явно сіе дѣлать мнѣ запрещалось. Во вторыхъ, спарался я, сколько возможно вести счисленіе времени, и поминать дни по порядку; зная нѣсколько Пасхалію, могъ я исчислять и годовые праздники.

Удалясь отъ аула версты за двѣ для собиранія дровъ или за водою, сначала пропосѣ нѣсколько стиховъ; (изъ которыхъ первый и всегдашній: *Молитеу пролію ко Господу* *) и пр., проникнувъ до глубины

*) Воишь сей прогашельный ирмосъ: „Молишву пролію ко Господу, и Тому възвѣщу печали

души, испоргалъ нерѣдко обильныя, умили-
тельные слезы,) и поплачешь. Помощь вспо-
минишь какую нибудь національную пѣсенку,
и промурныкаешь ее въ свою очередь. —
Когда увидишь опъ юга къ сѣверу летящую
птицу, приспально смотришь за нею вслѣдъ,
пока совсѣмъ не скроется изъ виду, вообра-
жая, что она летитъ на родимую сторону,
хотя бы и никогда туда не залетала. Равнымъ
образомъ, если попадетъ знакомая правка,
то не хочется и ошойши опъ нее : споль
она мила и любезна на чужой сторонѣ! Чтожъ
должно подумашъ о челоувѣкѣ, прибывшемъ
съ родной спороны въ сѣи пустыя и скуч-
ныя мѣста, хотя бы онъ совсѣмъ и незна-
комъ былъ! Безъ сомнѣнія почтешь его за
самого ближайшаго родственника. Таково
было мое чувство при свиданіи съ людьми,
прибывшими изъ Оренбурга! Былъ хотя нѣ-
сколько сышу, одѣшу, и видѣшь когда ни-
будь любезное опечесство было единствен-
нымъ моимъ желаніемъ: всѣ спрасши, ис-
ключая одной печали, казалось, въ то вре-
мя меня оставили.

Не имѣя ни книгъ, ни бумаги, часто я
записывалъ кое-что очиненнымъ проспши-

моя, яко золь душа моя исполнися, и живошъ
мой аду приближися, и молюся яко Юна: опъ
или Боже возведи мя.“

комъ на бараньихъ лопашкахъ и другихъ ко-
стяхъ, или вырѣзывалъ на камняхъ; вмѣсто
чернилъ употреблялъ я сокъ *акткеневиыхъ*
ягодъ, и шаковыя записки глубоко зарывалъ
въ песокъ, думая, что если я умру въ снени,
то можешь быть со временемъ онъ кому
нибудь и попадутся. Таково-то есть жела-
ніе челоувѣческое не быть въ неизвѣстнѣ-
сти! И пакъ проходили всѣ дни, сокращае-
мые какимъ нибудь занятіемъ. Несносный
голодь часто уполялъ я куреніемъ табач-
ныхъ спебельковъ, смѣшивая ихъ съ шаковы-
ми сыржками.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

II.

С Л О В Е С Н О С Т Ь.

П и с ь м о къ И з д а т е л ю.

Въ Опытѣ краткой Истории Руской
Литературы извѣщаете въ публику объ
окончаніи, и вѣроятно скоромъ появленіи
перевода въ стихахъ *Освобожденнаго Іеру-*
салима, трудовъ извѣстнаго А. Θ. Мерзля-
кова. Новостъ сія весьма любопытна, ибо

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ИСТОРИЧЕСКІЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ

И

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL IV

ЧАСТЬ СЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЗДАТЕЛЯ.

1822.

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А .

1822. № XV.

I. И С Т О Р І Я .

Состояніе Ливоніи до пришествія Нямцовъ.

Сог. Графа Брел.

Древніе Историки, говоря о происхожденіи различныхъ народовъ и Государствъ, кажется, упопребляющъ всё свои усилія, чтобы представити оное необыкновеннымъ и баснословнымъ. Кельхъ собралъ много пшковыхъ преданій о началѣ Ливоніи. — Одни производяшъ имя Ливоніи отъ какого-то Либо, будто Римскаго Принца, переселившагося съ войскомъ своимъ въ страны сіи. Кельхъ въ этомъ ссылается на историческія записки Михелониса Литовскаго (Michaelonis Lithuani), который увѣряетъ, что сіе случилось при Юліи Кесарѣ. (Римскій Принцъ при Юліи Кесарѣ!!...) Другіе производяшъ названіе сей провинціи отъ словъ Ливы, Лива-Лива, означающихъ песчаная земли: пшкое происшествіе кажется сшоль

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Е Н О

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были семь экземпляровъ въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Апрѣля 11 дня 1822 года.

*Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

имъ и называли оный *Дерптомъ*. Сей городъ сдѣлался главнымъ мѣстопребываніемъ Епископа, и былъ весьма важенъ по своей торговлѣ, народонаселенію, публичнымъ зданіямъ, безопасному мѣстоположенію и укрѣпленіямъ.

Таковы были главныя жилища народовъ, обитавшихъ въ Ливоніи, Эстоніи и Курляндіи, въ то время, когда прибыли сюда Нѣмцы.

Пер. II. въ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Записки Доктора Саввы Большаго о приключеніяхъ его въ плѣну у Киргизъ-Кайсаковъ въ 1803 и 1804 годахъ, съ замѣчаніями о Киргизъ-Кайсацкой степи.

(Продолженіе.)

Въ то день Іюня 1804 года, въ описушесвіи Хана, опущенъ я былъ главными чиновниками, Старшинами *Жаппазаромъ* и *Жаппакомъ*, порученъ Тюршъ Каринскому Старшинѣ, Мурзъ *Бураибай* и прѣхавшимъ изъ Оренбурга съ нарочнымъ предписаніемъ ошъ пограничной Коммисіи для развѣданія о погра-

бленныхъ шоварахъ, (о плѣнныхъ нп слова), конфидентамъ Ахуну *Абулпатыку* съ находившимися при немъ Киргизскими сошниками *Сатомъ Ягофиромъ* и *Абдуллою Абубекиромъ*, съ которыми, въ препровожденіи немалаго числа Киргизцевъ, и пустились въ путь. — Въ шощъ же день въ вечеру перевхали рѣку *Сыръ* на перевозъ *Таркичу*, около горы *Дынъ*, и отѣхавъ еще верстѣ 15, ночевали въ степи близъ горы *Темирчатау* (жельзная гора).

11-го числа, поднявшись довольно рано, ударились прямо на сѣверъ, имѣя передъ собою *полярную звѣзду* (шемизъ казыкъ), всегдашнюю ночную путеводительницу Киргизцевъ. — При восхожденіи солнца оставили мы въ правой рукѣ озеро *Макмаль*, въ лѣвой *Камышлы-куль*, гдѣ много камыша.

12-го. Въ 50 верспахъ, по нашему разсечу, ошъ рѣки Сыра въ лѣвой споронѣ былъ колодезь *Коссей*, въ правой *Жаксылыкъ-кудукъ*, въ которыхъ воды хороши.

13-го. Въ лѣвой рукѣ попалось намъ обширное озеро *Соргъ-булакъ*, горькій ключъ. Все пространство ошъ рѣки Сыра до сихъ мѣсть называется *Джіекъ-кумъ* (край песковъ). За симъ слѣдуютъ пески *Порча-кумъ* (часть песковъ), которые ошъ рѣки Сыра

находясь въ разстояніи 80 верстѣ. — Въ сихъ пескахъ много попадаются растенія, называемаго *ширазъ*, на которомъ были уже сыроватые и сочныя ягоды, также *иланъ* и *кусыкъ*.

Вступая въ *черные пески* (*Кара-кумъ*), въ лѣвой сторонѣ видѣли мы возвышенное мѣсто *Чизанакъ* (устье Аральскаго моря); потомъ въ той же рукѣ оставили мы высокую гору, *Кокъ-думбакъ* (голубая гора), около которой находится много озеръ, содержащихъ въ себѣ поваренную соль.

Нельзя упустить бывшаго между мною и Чумекейцомъ, *Сайномъ Каратаморомъ*, разговора: мы ѣхали верхами двое рядомъ, по обширнымъ пескамъ, подобнымъ песчаному морю. Я спросилъ его: почему у нихъ нигдѣ не видно мечетей? Онъ, нисколько не думая, сказалъ мнѣ на шо: „до сихъ поръ считалъ я себя за умнаго человѣка, но теперь вижу, что въ шебѣ ума нѣтъ ни на копѣйку (шинь). Видишь ли ты, продолжалъ онъ, эту землю, по которой ѣдемъ? (Тотчасъ догадался я, что онъ хотѣлъ сказать, но уже поздно). Слѣзши съ лошади и преклонивъ колѣна, вознеси молитву свою къ Богу: вошь тебѣ и мечеть!“ Сколь ни остеръ былъ опытивъ сего Киргизца; но есть между ими и такіе безшолоковые, которые никакъ не

могли понять, почему я свободно разговаривалъ съ Ташарами, знающими Россійскій языкъ, съ Киргизцами же не такъ удобно объяснялся; спранны имъ показалось, что Ташаринъ разговариваетъ съ Киргизцемъ по Киргизски, а съ Рускимъ по Руски; ибо одинъ только Киргизскій языкъ почитаютъ они существующимъ въ свѣтѣ.

Въ окружности сихъ мѣстъ, въ правой рукѣ находится пространное озеро *Акъ-салъ-барбій*.

Отъ горы *Кокъ-думбакъ* уклонились мы нѣсколько къ западу, и шли большею частью долинами (какты). Въ 30 верстахъ находится урочище *Тригаръ*, около котораго растетъ много камыша. Вода по большой части въ колодцахъ и не такъ дурна.

Отъ *Трисора* до *Тяраклы* (попелевое мѣсто) гдѣ въ прежнія времена росли полевые деревья, которыхъ однако же нынѣ и слѣдовъ нѣтъ, около 30 верстѣ.

Отъ *Тяраклы* до кладбища *Буталы-мула*, около 35 верстѣ. Здѣсь много *сурксеула*. Отсюда до возвышеннаго мѣста *Чака* верстѣ 10. Около сего находится топкое болото (какъ), въ длину версты на три, въ ширину на вершту; вода въ немъ не очень горяка.

Отъ *Чака* до озера *Маллекулъ*, въ ко-

торое впадаетъ небольшая рѣчка, выходящая изъ горы *Джыбы*, версшъ 15. Отъ *Джыбы* верстахъ въ 20 находишся возвышенное мѣсто *Жяманъ-чинъ*, отъ котораго до горы *Кабанъ-кулакъ* (свиное ухо), около 45 верстъ.

Оставя *Кабанъ-кулакъ*, и *Кулакачи-барбий* въ правой сторонѣ, шли мы при подошвѣ значительной горы *Суеукъ-битъ* (холодное лице), имѣя ее въ правой рукѣ, и прошедъ мимо *Бамбурова* маяка, оставили въ той же рукѣ *Катасай* и *Сарасай*, а въ лѣвой горы *Наръ-кызылъ* и *Кызылъ-кабакъ*, вступили въ *Жяманъ-кумъ*, (худые пески), гдѣ и соединились съ *Барамнай-биемъ* Куламановскаго уѣзда.

Въ сихъ мѣстахъ Юля 10 числа по зашествіи солнца усмотрѣли мы въ юговосточной сторонѣ затмѣвше луну, при которомъ Киргизцы не упустили сдѣлать нѣкоторыхъ обрядовъ своего богомолія.

Отсюда видны были въ лѣвой сторонѣ высокія горы *Сеналъ-чинъ* и *Ману-авліа*.

11 числа поутру выступили изъ песковъ *Жяманъ-кумъ*, и прошедъ мимо кладбища *Бисъ-мула*, имѣя его въ правой рукѣ, перешли *Иргизъ*, и подавшись къ западу, достигли рѣчки *Кишкеня-Талмыкъ*, гдѣ и го-

стили три дни у *Мазынскаго* удѣла *Тюртъ-Каринцовъ*.

15-го, распростясь съ послѣдними кочевьями, поднялись по утру при восхожденіи солнца отъ *Кишкеня-Талмыка* и шли гораздо западнѣе; къ полуденному ошдыху добрались до ручья *Ульконъ-Талмыкъ*, который, какъ и прежній, начинаясь изъ ключей, теченіе имѣетъ отъ сѣверозапада на юговостоку между горными ущельями и вливается въ *Иргизъ*. Здѣсь, ошдохнувъ и накормивъ лошадей и верблюдовъ, поднялись на высоты, и къ ночи достигли рѣчки *Талмы-кайрякъ*. Въ сей полосѣ встрѣчается великое множество бѣлаго, блестящаго и какъ масломъ облистаго кварца, ошмѣнной величины.

16-го, прошедъ чрезъ просяженіе *Мугад-жарскихъ* горъ, изъ которыхъ примѣчанія достойны: въ правѣ *Жянгисъ*, а въ лѣвѣ *Жяманъ тау*, гдѣ много попадалось разноцвѣтной яшмы и сердоликовъ, сдѣлали роздыхъ при вершинахъ рѣки *Ори*, называемыхъ *Тирсъ акканъ*. На ночь остановились при рѣчкѣ *Аксу*, которая также впадаетъ въ рѣку *Орь*.

17 го полдничили при вершинахъ *Ори*; на ночь пришли къ рѣчкѣ *Жяксы-Талмы*; прошедъ горы *Бисъ-тау* и рѣчку *Исембай*,

18-го прошедъ *Кокъ-тюба* въ лѣвой, *Исетъ мугла* въ правой сторонѣ, отдыхали при рѣчкѣ *Жяманъ-Тамлы*, ночевали при рѣчкѣ *Битъ-каклы*.

19-го, перешедъ рѣчку *Жянычка*, имѣя въ правой рукѣ *Акъ-тобл*, прошивъ кошой къ сѣверу имѣющся двѣ рѣчки *Жаксы-карголка* и *Жяманъ-карголка*, къ полуденному ошдыху добрались до *Илека*, въ то мѣсто, въ которомъ впадаетъ въ него знашная рѣчка *Ганыръ-вергенъ*; рѣчки: *Жаксы-тамлы*, *Жяманъ-тамлы*, *Жянычка*, *Жаксы-карголка* и *Жяманъ карголка*, вмѣстѣ соединясь, составляютъ *Бисъ-тамакъ* (пять горъ) или вершину *Илека*. На ночь пришли къ рѣчкѣ *Аксу*, вливающейся, также какъ и *Ганыръ-вергенъ*, съ южной стороны въ рѣку *Илекъ*.

20-го отдыхали при *Илекѣ* прошивъ *Жяманъ-карабутака*; къ ночи, перешедъ *Илекъ*, остановились при среднемъ *Карабу-такъ*.

21-го отдыхали при *Жаксы-карабута-къ*, ночевали при *Илекѣ*.

22-го насилу дошли до горы *Кар-сакъ-Башъ*, которая лежитъ по ту сторону *Илека*. Въ сихъ мѣстахъ обрѣли давно исканныя нами кочевья, въ кошорыхъ едва

могли утолить голодъ, чрезъ семь дней препѣваемый.

23-го госпили около сихъ же мѣстъ, въ *Чиктынскомъ* ошдѣленіи *Бимокчуръ*.

24-го пополудни пропулись мы съ *Илека*, и прошедъ ручей *Акъ-булакъ*, поднялись на возвышенныя мѣста, съ кошорыхъ, въ разстояніи верстъ двухъ, увидѣли мы нѣчто движущееся. Тотчасъ опрядили двухъ человекъ, кошорые какъ стрѣлы полетѣли къ тому мѣсту, и дохавъ шуда, сдѣлали по своему нѣкошорый знакъ (маякъ). Какъ скоро наши *Каргизцы* сіе замѣшили, то, подобно ужасному вихрю, съ крикомъ и визгомъ пустились. Лошадь, на которой я сидѣлъ, не смоя на все мое усиліе удержатъ ее, сверхъ моей воли неслась за ними во всю конскую прышь, такъ что, не привыкши ѣздить верхомъ, съ трудомъ я могъ держаться. Въ одно мгновение окружили мы шабунъ лошадей, опгнанныхъ нѣкошорыми *Киргизцами* изъ *Илецкой* защиты. Взявъ изъ сего шабуна только двухъ лошадей, оппустили воровъ благополучно съ своею добычею. На ночь остановились при рѣчкѣ *Тюлтасъ* и горахъ сего жъ имени.

25-го дневали при рѣчкѣ *Тяраталъ*, впадающей въ рѣку *Уралъ*.

26. Прошедъ гору *Тюрсуякъ* и рѣчку *Асъ-бермесъ*, поднялись на высоты, съ которыхъ уже виднѣнъ былъ городъ *Оренбургъ*. — Киргизцы съ самаго почти начала плѣненія моего обѣщали освободить меня и говорили: вопъ нынѣ да завтра поѣдемъ въ Россію; между тѣмъ провели почти цѣлый годъ въ своихъ обѣщаніяхъ и сборахъ; горесть и опчаяніе съ мучительнымъ чувствомъ неизвѣстности усугублялись ошъ сего со дня на день и столько ожесточили мое сердце, что оно, подобно крѣпкому камню, ошюдь не тронулось при первомъ моемъ воззрѣніи на прошивулежащія предмѣстія.

Напоследокъ приблизились мы къ мѣновому двору, въ который вступя, были окружены множествомъ народа. Ошвсюду кричали: гдѣ они! гдѣ они! и какъ знакомые по нѣкоторымъ примѣтамъ меня угадали, то бросились съ неизъяснимою радостію цѣловать, и орошая пошюками ліющихся слезъ, едва не задушили. Сіе естъ обыкновенное шамъ встрѣчаніе вывозимыхъ изъ плѣна! До того, повшюряю, было ожесточено мое сердце, что я только дивился написанной на лицахъ ихъ радости и дружеской ихъ пріязни; внутри же себя не чувствовалъ никакой почти перемѣны: укоренившійся ли страхъ,

или другое что было сему причиною, того и до сихъ поръ не разберу.

Въ шюшъ же самый день представляенъ былъ я Г. Оренбургскому Военному Губернатору, Князю Григорію Семеновичу *Волконскому*, въ полномъ Киргизскомъ платьѣ, обросшій бородою, съ обритою головою, при саблѣ, въ препровожденіи ошборныхъ 50 Киргизцевъ и Султана Ширгазы.

Его Сіятельство, сдѣлавъ пристойное привѣтствіе Киргизцамъ, ошпустилъ ихъ, приказавъ нанять для нихъ кварширы и ошпускать прокормовныя деньги; меня приказалъ камердинеру ввести въ домовую молишвенницу и помолиться свяшымъ иконамъ. Пошомъ изволилъ со мною поздороваться. На первый случай пожаловалъ мнѣ сто рублей; другимъ со мною вывезеннымъ до двадцати рублей, дабы кой-какъ переодѣть насъ.

Я особенно препорученъ былъ Оренбургской пограничной Коммисіи Г. Ассесору Андрею Ивановичу *Сапожникову*. Сей ошмѣнно доброй души человекъ, приглася меня къ себѣ, предложилъ кварширу и все содержаніе, за что приношу ему и шеперь наичувствительнѣйшую благодарность.

Недѣлю спустя, Г. Военный Губернаторъ ошнесся письменно къ Его Сіятельству, Графу Николаю Петровичу Румянцову,

бывшему тогда Минисшромъ Коммерціи, и чрезъ шесть недѣль полученъ былъ ошвътъ, объ ошправленіи меня въ С. Петербургъ. На прогоны, одежду и содержаніе ошпущено мнѣ было изъ пограничной Коммисіи нужно количество денегъ.

Въ теченіе двухмѣсячнаго моего въ Оренбургѣ пребыванія ѣздилъ я съ Его Сіятельствомъ въ Уральскъ, и былъ очевиднымъ свидѣтелемъ благоразумныхъ его посшукковъ съ Уральскими козаками.

4 числа Октябрія, будучи облагодѣшествованъ ошъ Его Сіятельства щедрою рукою, и вруча честнымъ Киргизцамъ для дошпавленія прежнимъ хозяевамъ нѣкоторые госшпинцы, ошправился я въ путь, взявъ съ собою вывезеннаго изъ плѣна деньщика Никифора Васильева.

18-го Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда въ селѣ *Чернобаевѣ* сподобилъ меня Господь, чрезъ 16 лѣтъ увидѣшь домъ родишельскій. Пресшарльый родишель мой и родишельница приняли меня съ несказанною радостію, и сдѣлали пристойное угощеніе, пригласивъ на пошъ случай всѣхъ родешвенниковъ. На семь семейшвеннымъ празднествъ пролили мы молишвы ко всеобщему ошцу и благодѣшелю, Богу. *)

*) Окончаніе сей сшашы, содержащее въ се-

III. СТИХОТВОРЕНІЯ.

П в с н я.

Ошнимаешь наши радости
Безъ замѣны хладный свѣтъ :
Вдохновенъ пылкой младости
Гаснешъ съ чувствомъ жертвой лѣтъ !
Не одно ланишь пыланіе
Трашимъ съ юношью живою —
Видимъ сердца увяданіе
Прежде юноши самой.

Наше счастье разбило
Видимъ мы игрушкой волю ,
И въ далекій мракъ сердцное
Море мчишь нашъ бѣдный чолнъ.
Сшрѣлки нѣтъ пушеводишельной !
Иль вошще ея магнитъ
Въ бурю къ пристани спасишельной
Чолнъ безпарусный манишь.

Хладъ, какъ будто ускоренная
Смерть, заходишь въ душу къ намъ !
Къ наслажденью охлажденная ,
Холодна къ самимъ бѣдамъ ,

бѣ замѣчанія о Киргизской сшепи, помѣщено
будешь впредь. Изд.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ИСТОРИЧЕСКИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ

и

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL IV

ЧАСТЬ ОСЬМИДЕСЯТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИЗДАТЕЛЯ.

1822.

Л

вникших будутъ припечатаны. Иногородные благоволяше присылать вѣсовыхъ денегъ за шрифта.

2.

Трудившійся въ переводѣ знаменитаго шворенія Г. Книгге: *Объ обращеніи съ людьми*, долгомъ представляю извѣстныя почтенныхъ Гг. пренумерантовъ своихъ, что обязанности службы, удалявшія его изъ столицы, не позволяли ему досель окончить предпринимаго изданія. Но теперь, не смотря на слабое подкрѣпленіе сего общепользнаго предпріятія, сопряженнаго съ значительнымъ изживленіемъ, принятымъ дѣятельными мѣрами къ ошпечанію остальныхъ трехъ часшей сего шворенія въ самомъ непродолжительномъ времени. Издатель смѣетъ надѣяться, что книга сія, содержащая въ себѣ правила благодѣшныя, и можетъ быть необходима для всякаго, желающаго достигнуть истиннаго благополучія въ кругу людей, обратитъ на себя вниманіе благонамѣренныхъ соотечественниковъ, кошорые не умедляше вспомоществовать сему предпріятію предварительною подпискою. На всѣ 4 часши принимается подписка въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома, гдѣ и будешь продолжаться печатаніе остальныхъ 3 часшей. Подписная цѣна во всемъ 4 часшамъ 12 руб., съ пересылкою въ другіе города 15 рублей. При подпискѣ выдаешся 1 часшь, а на остальные билешъ. По ошпечаніи всей книги цѣна по необходимости возвысится.

(26 А с а ц с т а .)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1822. № XXXV.

I.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Замѣчанія о Киргизахъ *)

Науки, Художества и рукодѣлія.

У Киргизовъ нѣтъ ни школъ, ни мечешей; рѣдко кто на своемъ языкѣ читаетъ и пишетъ умѣетъ. Хотя Астрономія ихъ весьма недоспашочна, но всякой Киргизецъ швердо знаетъ полярную звѣзду (темиръ казыкъ) и нѣкошорыя другія созвѣдія. На вопросъ, для чего Киргизцы не обучаются грамотѣ, знавшійшій и богатѣйшій Алималинскаго рода, Тюршкаринаскаго ошдѣленія Старшина Тархманъ Каракубекъ-бій ошвѣчалъ: „чипобъ эшакою глупостію заниматься и ломать себѣ голову, ешь Муллы (духовныя особы у Магомешанъ) кошорые, что надобно прощущать и напишущъ.“

*) Изъ записокъ Доктора С. Большаго, см. № 15 С. О. 1822, Изд.

Природное Стихотворство и Красноречіе Киргизцевъ весьма любопытны. Сколь забавно слушать, когда изрядный говорунъ продолжаетъ свою и довольно жаркую рѣчь въ народномъ собраніи прерываетъ пѣніемъ, или, напрошивъ того, хорошій пѣсенникъ искусно вкладываетъ въ свою пѣсню довольно длинную рѣчь или отборные стихи, которыми поетъ или говоритъ безъ всякаго приговора.

Музыкальныя ихъ орудія суть: дудка (чабызга), балалайка (дорба), гудокъ (кобызь): на которыхъ скоморохи и лекари нерѣдко оплачуются. У нихъ есть скорняки и кожевники, сапожники, портные, красильщики, кузнецы, слесари, серебряники (зергирь), плотники, но все неслишкомъ искусны. —

Упражненіе Киргизокъ состоитъ въ доеніи скота, пряденіи, пканьѣ, валяніи войлоковъ, и другихъ симъ подобныхъ рукодѣліяхъ.

Кочевая жизнь Киргизцевъ.

Киргизцы живутъ всегда въ удобопереносимыхъ кибиткахъ или шалашахъ, покрытыхъ войлоками; для скопотоводства, главнымъ и почти единственнаго ихъ упражненія, странствуютъ по своимъ степямъ: дѣломъ

больше къ сѣверу, и порознь; зимою къ югу, составляя аулы (деревни).

Домашній скрабъ: чугунный кошелекъ (казанъ), шреножникъ (таганъ), деревянная чашка (аякъ), ложка (касукъ), уполовникъ (чумичъ), ведро (чиликъ), кувшины (кумганъ), шурсукъ (кунюкъ) и проч.

Пища и питіе. Пища достаточныхъ Киргизцевъ наиболѣе состоитъ въ мясѣ бараньемъ, козиномъ, верблюжьемъ, коровьемъ и лошадиномъ, которое варятъ просто въ водѣ, приправляя солью. Мясѣ изрѣзывающъ весьма мѣлко и составляютъ пшеничную яству (бисъ бармакъ), которую потомъ заправляютъ похлебкою (сарпа). Недостаточные варятъ пшеничную кашу (куже), приправляя ее иногда саломъ, иногда же просто ѣдятъ сухое пшено, поджареную пшеницу (бюдай), ячмень (арпа), что вообще называется курмачъ. Изъ пшеничной, ячменной, пшениной и ягварной муки (уиъ) варятъ жидкую соломату, (баламыкъ), которую приправляютъ также саломъ или коровинымъ масломъ (сарымай). Сверхъ сего изъ муки пекутъ опрѣсноки (нанъ), только весьма рѣдко. — Въ пищу употребляютъ воду (су), прѣсное молоко (суть), кислое молоко (ай-рянь), кислое кобылье молоко (кумызь). Изъ овечьего молока дѣлаютъ въ кошорый родъ

крѣпкаго сыра (куршъ или крупшъ), который растворя въ водѣ, употребляющъ вмѣстѣ съ пищей, что замѣняешь иногда и самую пищу. Изъ кумыза гоняшъ водку (аракъ), которую употребляютъ для лекарства.

Одежда. Общую Киргизскую одежду составляютъ: бумажный сшеганный халатъ (чапанъ), который бываетъ и шелковый; шуба или шулузъ (шона), поршмы (дамбалъ искиншъ), поясъ или кушакъ (бійль), сапоги (ишыкъ), онучи (чулгау), сшельки (пашякъ); мужеская распахная рубашка или напшальникъ (жогды), шировары (чалбаръ), армякъ или зипунъ (чакмень), скуфья (шюбешей), шляпа (колпакъ), шапка (шумакъ), на поясѣ сумка (кальшъ). Женская бахшовая по большей части синяя рубашка (кюльдякъ), головной уборъ (саукаля), головной платокъ (жаулукъ), нагрудникъ (жюринча), мешаллическій нагрудникъ (шумарча), бисерный снарядъ (мончакъ), бусы (маржанъ), бахромка (чалбау), косы (шулумъ), и проч.

Пріятно смотрѣшь на молодую, пригожую и притомъ разряженную женщину, либо дѣвушку, сидящую крѣпко на борзѣмъ конѣ, и скачущую въ запуски съ удачнымъ молодцомъ, кошораго опереживаетъ!

Промышленность и торговля.

Въ Киргизской промышленности первое мѣсто занимаетъ скотоводство. Въ обширнѣйшихъ ихъ степяхъ преимущественно разпложаются: ордынскія овцы (кой) и козы (ишке). Пошомъ въ большомъ числѣ водятся лошади (жилка), и верблюды (шюя). Последнее мѣсто занимаютъ коровы (сыиръ), и быки или волю (огюсъ). Есть у нихъ и дворныя собаки (ипъ) и кошки (мусыкъ).

Скоть во всю зиму ходишь въ полѣ, и питается засохшею правою, разрывая снѣгъ копытами. Въ семь намѣреніи сначала гоняютъ лошадей, пошомъ верблюдовъ и коровъ, что называютъ по памошнему *тебенить*, а послѣ мѣлкій скоть. Лошадей ни въ какое время не подковываютъ; верблюдовъ на зиму покрываютъ чохлами; всякая скопина подъ весну спановится весьма поща и слаба; извѣстные курдюки (куйрюкъ) у овецъ зимою совсѣмъ исчезаютъ, а лѣшомъ опять вновь наполняются; опъ голова и спужа погибаетъ множество скопа.

Звѣриная и рыбная ловли суть побочныя упражненія Киргизцевъ, и производятся только для забавы. На звѣриной промыселъ ходишь они съ просешными своими собаками, съ учеными беркушами и карагушами;

бьются стрѣлами изъ лука и пулями изъ ружей, и проч.

Рыбу ловящъ слѣдующимъ образомъ. Въ зимнее время, сдѣлавъ на льду прорубь, опускають шуда багоръ, и примѣчаютъ, когда рыба пойдетъ: какъ скоро поравняеся она съ зубцами, на крюкъ вверхъ шорчащими, потчасъ приподнимають багоръ и вытаскивають рыбу. Кроме того, при замерзаніи рѣкъ и озеръ, глушатъ рыбу дубинами, и пробивши ледъ, окую вынимають. Въ лѣтнее время колютъ иногда рѣбу особенно устроенными презубцами, шолько весьма рѣдко; иногда же взмуща воду ловащъ щукъ, кошорыя выплывають на верхъ.

Весною, при удобныхъ мѣстахъ, упражняюцца въ земледѣліи, которое для нихъ весьма бываеъ выгодно; но шолько жаль, что самая малая часть Киргизцевъ симъ занимается. Не смотря на то, что въ тамошней странѣ дождей весьма мало, просо (шары) и просняка (кунакъ) бывають самъ-шестидесятый; пшеница (бюдай) и ямень (арпа) самъ-десятый и болѣе. Родится шамъ и рождъ (кара сюля), кошорую съють шолько для скопины, и то очень мало. Изъ Бухаріи вывозящъ Бухарское пшено (жюгари). Дыни (каунъ), арбузы (карбусъ) и шиквы

(аскабакъ), ни чѣмъ почти не уступають Бухарскимъ и Хивинскимъ.

Въ 1804 году въ первый разъ посѣляя я при рѣкѣ Сырь, Хивинскій табакъ (шемякъ), кошорой взошедъ очень хорошо. — Сей родъ табаку почишаеся лучше Бухарскаго: листья имѣеъ онъ долгіе, сиебли большіе, толстые и древесовашые; запахъ и вкусъ при куреніи довольно пріятны, и мнѣ показалося онъ не хуже Турецкаго. Киргизцы вообще весьма любящъ табакъ, кошорый употребляють болѣе для нюханья. Для напоенія низменныхъ, къ засѣванію способныхъ мѣстъ, проводятъ воду изъ рѣкъ длинными каналами. — Пахошныя орудія сущъ: рало (егинъ агачъ) и волокъ (мала).

Торгують они на линіи въ городѣ Оренбургѣ, въ Орской и Троицкой крѣпостяхъ. Весь ихъ шоваръ состоить въ скотѣ и въ кошорыхъ домашнихъ издѣліяхъ, кошорыя болѣею частію мѣняють на нужныя и необходимыя вещи. Но большая часть Киргизцевъ ведеъ жизнь свою въ праздноши, а потому бѣдность заславляеъ ихъ иногда разбойничашъ, грабиль караваны, и между собою производить непрерывную брань (баранша). На шаковую брань вѣдящъ они всегда вооруженные. Оружіе ихъ составляють: сабля (колышъ), ружья или виншовки

(мушпыкъ), копыя или пики (найза), лукъ, крякъ со стрѣлами (окъ) и колчаномъ (сайдакъ), кинжалы (кинжалъ), кольчуги (саушъ), ножи (піякъ), и нагайки (камча).

Счисленіе времени, праздники и посты.

Счисленіе времени Киргизы ведутъ по лунному сеченію, полагая на каждый мѣсяць по 30 дней, и пошому, вмѣсто луннаго 354 дневнаго года, выходить у нихъ 360 дней.

Мѣсяцы (ай) считаютъ слѣдующимъ порядкомъ, приравниваясь рожденію луны въ зодіакальных знакахъ:

1. *Курманъ* (означаетъ на Арабскомъ языкъ барана) *Мартъ*. Въ 10 день по рожденіи луны сего мѣсяца бываетъ у нихъ самый большой праздникъ (айшъ), въ воспоминаніе приношенія жертвы Авраамомъ; пошому и праздникъ сей называется *Курманъ*, или *Курбанъ айшъ*. Сей мѣсяць именуется также *Наурусъ* (Новый годъ).

2. *Сауръ* (быкъ) *Апрѣль*. Въ семь мѣсяцъ бываетъ праздникъ *Сабанъ*.

3. *Чауза* (мужъ съ женою), *Май*. Сіи три мѣсяца составляютъ *весеннее время*, багарь.

4. *Саратанъ* (ракъ), *Іюнь*.

5. *Эсетъ* (левъ), *Іюль*.

6. *Самбула* два колоса или дѣвица (*Са-*

вилла), *Августъ*. Сіи мѣсяцы составляютъ *лѣто* (жась).

7. *Мизанъ* (вѣски) *Сентябрь*.

8. *Акрапъ* (ядовитое жало или скорпионъ) *Октябрь*.

9. *Каусъ* (стрѣла), *Ноябрь*. Сіи мѣсяцы составляютъ *осень*, (кусъ).

10. *Джидды* (высокая гора или спаричокъ) *Декабрь*.

11. *Дамотъ* (кормысло съ ведрами) *Январь*.

12. *Хутъ* (рыба) *Февраль*. Сіи составляютъ *зиму* (кысъ).

Дни (кунъ) считаются слѣдующимъ порядкомъ:

1. *Сембе*, по Арабски просто значить (день) *Суббота*.

2. *Жексембе* (первый день) *недѣля*, или *недѣльный день*.

3. *Дюсембе* (второй день) *Понедѣльникъ*.

4. *Силембе* (третій день), *Вторникъ*.

5. *Сарсембе* (четвертый день) *Среда*.

6. *Бисембе* (пятый день), *Четвертокъ*.

7. *Жюмсе* (сборный день) *Пятница*, которая починается у нихъ вмѣсто нашего *Воскресенья*.

Одинъ разъ въ году бываетъ у нихъ постъ (уруза), который продолжается цѣ-

лѣй мѣсяцъ, и приходится въ разные времена года. Постъ состоишь въ шомъ, чтобъ во время дня ничего ни ѣсть, ни пить; напротивъ того ночью объѣдаешься самыми вкусными яствами. Самые бѣдные принуждены бывають по закону ѣсть мясо. Мелодныя женщины и ребята нѣкоторымъ образомъ отъ сего строгаго усташа освобождаются.

В ѣ р а . З а к о н ы .

Хотя Вѣра всѣхъ Киргизцевъ Магометанская, исповѣданія Суннитскаго (последователи Омара); но Чикшинцы, какъ отдаленный народъ отъ всѣхъ почти границъ, суть весьма слабые исполнители своего закона. Рѣдко видишь тамъ молящихся. По причинѣ малаго обращенія съ просвѣщенными людьми, они весьма легкомысленны и суевѣрны. — Разговаривають много, но изъ продолжительныхъ ихъ разговоровъ никакого почти шолку добиться не можно: что нѣтъ утверждають, какъ неоднократно мною было замѣчено въ ихъ совѣщахъ, то завтра опровергають. Однакожъ они управляются слегка Ханами, Султанами, Бѣями; но болѣе зажиточными или семьянистыми своими брашьями.

Народныя Киргизцевъ права или законы суть: *кровь за кровь, око за око, зубъ за зубъ*; посему нѣрѣдко доходишь у нихъ до смертоубійства. Случаются и между ними иногда добрые люди, только ихъ очень мало.

Способы Киргизскаго леченія.

Что касается до Киргизскаго леченія, то оно не только не заслуживаетъ никакого вниманія, но даже и описывать его трудно. Оно, болѣею частію, состоишь въ пустой ворожбѣ и неудобноизяснимыхъ шаманствахъ.

Чтобъ дать о немъ нѣкоторое понятіе, представляю здѣсь примѣры ихъ леченія.

Я былъ позванъ къ одному пожилому и довольно доспащочному Киргизцу, одержимому водяною болѣзнію и сильнымъ запоромъ мочи. Осмотрѣвъ больного, сказалъ я, что пособить ему трудно да и не чѣмъ. — Въ то же время призванъ былъ и Киргизскій лекарь (Даргиръ) съ помощникомъ. Между тѣмъ, пришли еще три или чешыре духовныя особы: Ахунъ (старшій) и Муллы (младшіе), которые, по своему обыкновенію, поджавъ ноги, сѣли въ полукругъ, чинали какія-то молитвы всякъ про себя, перебирали бобы изъ руки въ руку, и обнося ихъ около чашки, наподненной водою, дули въ

нее и проч. Лекаръ же, собравъ нѣсколько ножей безъ рукоятокъ, и раскаля ихъ на огонь, приказалъ помощнику вынимать одинъ за другимъ; онъ брызгалъ на нихъ изъ рѣшета помянушою водою, и примѣчалъ восхожденіе пара. Больной споялъ тогда шага за два отъ него спиною, будучи поддерживаемъ двумя Киргизцами, шакъ, что поднимавшіеся пары отнюдь до него не достигали.

Перепрыскавши всѣ ножи, спросилъ онъ своего прислужника: *инде тогусъ болды ма?* (и шакъ девашъ будешь ли?) сей отвѣчалъ: *болды* (будешь); лекаръ въ заключеніе сказалъ: *инде кой отуръ*, (ну инъ оставъ) или лучше сказать: *сидъ!* Далѣе, распотилъ онъ въ желѣзномъ ковшѣ нѣсколько бараньяго сала, въ которое положиа шряпку и перемѣшавъ надъ огнемъ, брызгалъ въ ковшъ изъ рѣшета тою же водою, отъ чего и происходила вснышка. Повторивъ раза два сіе дѣйствіе, бросилъ онъ ковшъ къ порогу. Потомъ посадили больного близъ двери на нарочно постланномъ коврѣ, и пригошенились къ слѣдующей операціи. Даргиръ (лекаръ) съ помощникомъ, спавъ близъ больного, вскричалъ повелительнымъ голосомъ: *Кара ишке да алетъ кель!* (приведи черную козу!) Топчась, по его приказанію, вшацили въ кибишку черную козу, которую первый ухвативъ

за переднія, послѣдній за заднія ноги, обносили вокругъ больного при раза, поколачивая его со всѣхъ сторонъ оною. Потомъ, по лекарскому же приказанію, приведены были бѣлая и сѣрая козы; за ними шесть овецъ разныхъ шерстей, которыхъ равнымъ образомъ обносили вокругъ больного съ помянутыми удареніями.

Напоследокъ, утомясь пустою сею работою, восточный Эскулапъ вскричалъ: *инде тогусъ болды ма?* Помощникъ и всѣ предстоящіе отвѣчали вдругъ: *болды*, и прекращали шѣмъ вздорную процессію, спрашивая меня, каково ихъ леченіе, и есть ли шакое въ Россіи. Я отвѣчалъ, что никогда еще не видывалъ шакихъ чудесниковъ, и о дѣйствіи ихъ леченія ничего не смѣю сказать. Видѣвъ же, что мнѣ нѣчего здѣсь дѣлать, уѣхалъ я въ Ханскій аулъ, и на слѣдующій день услышалъ, что спрадалецъ скончался.

Въ другое время занемогла *Темира*, невѣстка Башкирца *Садитъ-кирея*, судорожною въ ручныхъ пальцахъ болѣзнію; для сего и призванъ былъ особеннаго рода лекаръ (Баксы). Поелику случилось сіе въ Ханскомъ аулѣ, то и не применилъ я полюбобытствовать новаго сего леченія, которое состояло въ слѣдующемъ.

Въ вечеру собрались Киргизцы обоего пола въ особенно-приготовленную кибишку, гдѣ находилась больная, разряженнаа въ лучшее убранство. Она сидѣла на богатыхъ коврахъ, и была покрыва шонкимъ бѣлымъ шелковымъ плащкомъ. — Вдругъ явился на сцену сильный восточный чародѣй съ гуд-комъ, (кобызь), особаго рода, на которомъ, вмѣсто спрунь, просто напаянута были лошадиные волосы какъ и на смычокъ. Усѣвшись противъ больной, началъ онъ играть пронзительнымъ, но непрошивнымъ для уха скрипомъ, припѣвая ужаснымъ грубымъ горшаннымъ голосомъ. При нѣкоторыхъ словахъ, произносимыхъ Баксою, поднимались страшный крикъ и гарканье Киргизцевъ. Иногда кричали: *кочь! кочь! кочь!* какъ обыкновенно у нихъ скликають собакъ; иногда же вмѣстѣ шинули на распѣвъ, покачиваясь всѣмъ шудовищемъ взадъ и впередъ: *Аллай она! Аллай она!* (помогай Богъ), и проч. Въ таковыхъ и подобныхъ сему представленіяхъ прошелъ первый вечеръ даже до полуночи: это походило нѣсколько на деревенскія наши свѣшочныя игрища.

На другой день также собрались Киргизцы ввечеру и Баксы, повсюду нѣкопоря произведенныя имъ вчерашнимъ днемъ дѣйствія, прибавалъ къ нимъ и новыя. —

Въ продолженіе сихъ неслыханныхъ обрядовъ вlepилъ онъ сначала прирцапъ одинъ ударъ пласкою плетью въ спину страдавшей, шакъ, что видны были слѣды, означенные синими пятнами. Потомъ скакалъ онъ и криваялся какъ бѣшеный, и ударялъ по спинамъ кибишки шую же плетью, какъ будто кого выгоняешь. За симъ бросился въ ожесточеніи на больную, какъ собака, и грызъ ее зубами даже до крови. — Послѣ того выхвпшилъ пресшрашный ножъ изъ ноженъ, и сдѣлалъ знакъ, что хочешь ее рѣзать. Въ семъ мѣстѣ вспомнилъ я подобную операцію, произведенную надо мною, и разрѣшилъ чрезъ пять мѣсяцевъ продолжавшееся во мнѣ недоумѣніе. Сею варварскою операціею звѣроподобный *Алтынъ бай*, первый мой хозяинъ, дѣйствительно хотѣлъ останоивъ кровь, лившуюся изъ головы моей.

На претій вечеръ приготоваено было нѣсколько салныхъ шоненькихъ свѣчекъ (сиряхъ), нарочно разспаваенныхъ въ двухъ чашкахъ, насыпанныхъ землею и пескомъ; сверхъ сего лежали пушь мертвая ворона чернаго цвѣта, дыня и тыква. Зажгли свѣтильники, и пошли изъ кибишки на улицу. Баксы, упомяенный нѣкопорыми изъ преадеучиненныхъ имъ дѣйствій, несъ мертвую ворону; за нимъ, по порядку, несли

дыню и тыкву; по споронам шли съ факелами. Вышедъ изъ кибишки, Киргизцы произвели великій крикъ, и бросивъ на улицъ несенныя ими вещи, возвратились въ кибишку. Больная въ то время лежала на своемъ мѣстѣ на спинѣ, какъ обыкновенно кладушъ покойниковъ, покрытая бѣлою холстиною. Баксы, по совершеніи сполъ важнаго дѣйствія, сѣлъ у ногъ ея, и началъ играть на кобызѣ, съ обыкновеннымъ своимъ припѣвомъ, покачиваясь въ разныя стороны. Въ сіе время, грудь Темиры чрезвычайно воздымалась, приворавливаясь къ напѣву сѣдующихъ словъ: *Тартъ, жынымъ тартъ!* и къ кобызному скрипу. Въ продолженіе нѣкошораго времени дошелъ Баксы до такого изступленія, что повалясь назадъ, ошолбенѣлъ какъ сваленное въ лѣсу дерево: лице его поблѣднѣло какъ полотно, въ зубахъ происходило скрежетаніе съ клубившеюся изъ рта пѣною; но то показалось для меня удивительно, что и у больной замѣтны были подобныя припадки.

Полежавъ такимъ образомъ минушъ пять, подняшъ онъ былъ Киргизцами, и исподоволь образуясь, начиналъ играть и припѣвать жалостнымъ тономъ: *ой Темирумъ, Темирумъ*, прорекая ей свое мечтаніе; больная же въ сіе время какъ будто бредила.

На четвертый, пятый, и до девятаго дня происходили подобныя собранія. Въ послѣдній вечеръ, сверхъ многихъ такого жъ рода пустыхъ и вздорныхъ операцій, спарался онъ произвестъ въ больной рвоту пишемъ великаго количества теплой воды и куреніемъ шабаку. Поелику молодая женщина была одержима судорожною болѣзнію, то и производимыя Баксою операціи впушъ не остались: больная выздоровѣла. Однакожъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, болѣзнь оная оказалась, почему и не могу утвердительно сказать, дѣйствовала ли сколько нибудь Баксы къ облегченію ея, или болѣзнь ея сама имѣла періодическое теченіе. Впрочемъ не опровергаю спранныя сего леченія, которое въ судорожныхъ болѣзняхъ, по подобію Месмеризма, можешъ произвестъ нужное и полезное противуразраженіе.

Когда же замѣляшъ, что ни Даргиръ, ни Баксы въ опасныхъ и смертельныхъ болѣзняхъ нимало не помогаютъ, тогда собираются жители всего аула, а паче родспивенники, и просиживаютъ при больномъ цѣлыя ночи. Если не случится ни какой духовной особы (которыхъ вообще въ Киргизской степи весьма мало), то и простой Киргизецъ или Киргизка читаешъ на память нѣкошорые стихи или молитвы изъ

Алкорана, и по прочтении каждого стиха, дуешь больному въ лицо. Самъ же больной, будучи еще въ памяти, пьетъ на распѣвъ, вмѣсто обыкновеннаго оханья: *ой Аллай май*, (ахъ, Боже мой!) и пр.

Пожилые люди дѣлають какое нибудь завѣщаніе не только своимъ женамъ и дѣтямъ, но даже и всему собирающемуся при семь случаевъ народу, напр.: одинъ изъ умиравшихъ сдѣлалъ такое завѣщаніе, что ежели кто будетъ переходить гору, на копорой находится бруски или осеаки, то не забылъ бы взять опшуда съ собою сего почильнаго камня, копорымъ бы можно было напичать ножъ для рѣзанія мяса, или *пятипалой ясты* (бисъ бармакъ) въ случаѣ гостепріимства. При рѣкѣ Сырь есть гора, содержащая въ себѣ помянутые камни, и по сему обстоятельству она названа *Тагасаръ*.

Какъ скоро спраждущій скончается, то вдругъ поднимають ужасный крикъ и вой, производимый по крайней мѣрѣ пятидесятью людьми обоого пола, такъ, что у слушающаго волосы дыбомъ стануть. Желаящіе показать при семь случаевъ свое усердіе, ревуць необычайно; свои правыя женщины рвуць на себѣ волосы, бьютъ кулаками себѣ въ груди, царапають себѣ лице, и проч.

Ежели случится больному скончаться ввечеру, то такое плачевное пѣніе продолжается во всю ночь до самаго разсвѣта. Усопшихъ обмываютъ водою, и завернувъ въ холстину, кладутъ въ нарочно вырытую яму, головою къ сѣверозападу, такъ, чтобы сверху непосредственно земля на немъ не лежала. Въ семь намѣреній, либо въ глубинѣ ямы подрываются въ бокъ, либо просто кладутъ поперегъ могилы камышъ или хворостъ, а послѣ заваливаютъ ее землею, оставляя всегда какой нибудь значекъ. Таковыя могилы суть только временныя или часныя. Въ другомъ случаѣ, когда кочуютъ близъ какого нибудь общаго кладбища, тогда въ немъ погребають усопшее тѣло. Житочные люди, или и бѣдные разбогатѣвъ, переносятъ прахъ изъ временнаго кладбища въ вѣчное, или такъ называемое общее, и здѣсь по доспашку воздвигаютъ кирпичные, или каменные мавзолеи, (мазъра).

Славныя кладбища (мула), или такъ называемыя у нихъ святыя мѣста (авліа), находятся большею частію около рѣкъ. — При выносі усопшаго читають небольшую молитву и безъ дальнихъ церемоній погребають. Въ седьмой и сороковой день дѣлають поминовенія усопшему; по прошествіи жъ года составляютъ поминки, ко-

порыя гораздо бывають превосходнѣе и великолѣпнѣе первыхъ. Въ древнія времена сказываютъ, будто клали въ могилу съ усопшимъ нѣкоторыя вещи, какъ то: рашную збрую, ножъ, брусокъ, огниво, кремьнь, шило, иголку, нитки, сухія жиры и пр.; но нынѣ таковое обыкновеніе по недоспапшкѣ выходитъ изъ употребленія.

При шрудныхъ родахъ, также какъ и при опасныхъ болѣзняхъ, собираются Киргизцы обоого пола, въ присутствіи которыхъ роженица должна разрѣшиться отъ своего бремени, либо въ плгчайшемъ мученіи окончить преждевременно жизнь свою.

Свадебные и другіе симъ подобные обряды исправляютъ они по Татарскому обыкновенію, развѣ съ малою шолько разностию.

Когда Киргизцы обрѣзываютъ ногти или волосы, то щачельно стараются всѣ обрѣзки собрать; попомъ берутъ какой нибудь прушникъ или травяной стебелекъ, который изрѣзавъ мѣлко, смѣшиваютъ съ обрѣзками и закапываютъ въ землю. Бѣда, если отрѣзокъ отъ ногтя или волосъ попадетъ въ какое нибудь кушанье: хопя бы сіе и сухое было, напр. пшею и пр., тогда все бросають на земь.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Замѣчанія на небольшую Шведскую Поэму
подъ названіемъ: Аксель.

Карлъ XII, возбудившій отважный энтузіазмъ своего народа, не пересалъ еще бытъ предметомъ удивленія и почитанія Шведовъ. Причина сему, можетъ бытъ, скрывается въ томъ, что по внушенію, ему врожденному, онъ умѣлъ постигнуть духъ народный, и сообразовался съ онимъ лучше другихъ Государей, прежде и послѣ его въ Швеціи царшвовавшихъ. Подобно древнимъ Скандинавамъ, Шведы нынѣшнихъ временъ всегда жаждутъ чести, и подлѣ баснословныхъ героическихъ преданій Бардовъ своихъ, ставявъ подвиги, приключенія и романтическій характеръ Карла XII. Они забываютъ зло, причиненное Швеціи его побѣдами, паденіе Государства, бывшее слѣдствіемъ его войнъ худо обдуманыхъ, напрасные обѣщанія о щещныхъ предпріятіяхъ, и видятъ только одну его славу и добродѣтели. Тыни картины остаются незамѣченными, или ошдаются въ жертву оспрому взору спрогихъ Историковъ; но красоты оной оста-